475886 р
5162

Получ. 30 августа 1899 г.

Проф. Всеволода Миллера.

БИБЛИОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО
СПБ. ГУБ. ЗЕМ.

Пушкинъ,

КАКЪ ПОЭТЪ-ЭТНОГРАФЪ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

НЕИЗДАННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ,

записанныхъ А. С. Пушкинымъ.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА.
Т-ВО СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
ПЕТРОВКА, 22.

475886

475886

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

Инв 66 80
5762

891.71.092
М 60

Проф. Всеволода Миллера.

Б. БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
С.-Петербург. Земства.
КНИГИ ИЗ
П. К. СИМОНИ.
1948 г.

Пушкинъ,

КАКЪ ПОЭТЪ-ЭТНОГРАФЪ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

НЕИЗДАННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ,

записанныхъ А. С. Пушкинымъ.

Куйбышевская
№ 475886
Обл. Библиотека

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА,
Т-ВО СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
ПЕТРОВКА, 22.

Дозволено цензурою. Москва, 19 іюня 1899 г.

Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ. [1]).

Сегодня вечеромъ мы въ полномъ смыслѣ наканунѣ чествованія столѣтней годовщины рожденія нашего великаго національнаго поэта. Завтра и въ столицахъ, и во множествѣ городовъ Россіи раздадутся рѣчи, посвященныя его памяти. Въ культѣ Пушкина объединятся всѣ сословія, всѣ общественныя направленія и симпатіи. Въ теченіе слишкомъ шестидесятилѣтія, отдѣляющаго насъ отъ года смерти поэта, съ каждымъ поколѣніемъ все глубже и многостороннѣе сознавались результаты его творческой дѣятельности и развивалось все шире и свободнѣе то національное теченіе нашей литературы, которое было имъ направлено и уже въ наше время создало ей міровое значеніе. Не здѣсь, не съ этой кафедры умѣстно говорить о значеніи Пушкина, какъ художника слова. Оцѣнка его вошла въ всеобщее сознаніе, дѣлается ежегодно въ школахъ на урокахъ русской словесности, разносится всюду по Россіи во многихъ тысячахъ книгъ. Какъ предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла, я долженъ говорить о Пушкинѣ только по отношенію къ научнымъ задачамъ русской этнографіи, долженъ оправдать заглавіе—Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ,—данное мною моему сообщенію. Но вѣдь, въ извѣстной степени, всякій писатель-беллетристъ нашего времени, рисующій картины жизни и понятій своихъ современниковъ, отдѣльныхъ личностей своего народа, при правдивости изображенія, можетъ быть названъ „народописателемъ“, можетъ давать матеріалъ для этнографа, изучающаго духовную жизнь народа. Спѣшу оговориться, что, называя Пушкина этнографомъ, я имѣю въ виду не это слишкомъ широкое значеніе этого имени. Я называю поэта этнографомъ въ

[1]) Читано въ публичномъ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 25 мая 1899 года.

болѣе узкомъ, спеціальномъ смыслѣ. Я имѣю задачей оцѣнить значеніе Пушкина, какъ поэта любителя и знатока духовнаго творчества русскаго простонародья, цѣнителя родного языка, собирателя народныхъ пѣсенъ и сказокъ, и уяснить его заслуги передъ русской этнографіей. Суживая такимъ образомъ мою задачу, какъ спеціальнаго изслѣдованія, я съ другой стороны долженъ расширить ее ради исторической справедливости. Я долженъ уяснить, какими путями дошелъ Пушкинъ до пониманія духа народности, выразившагося въ его геніальномъ воспроизведеніи народныхъ мотивовъ, что̀ содѣйствовало ему и съ какими препятствіями и въ собственномъ воспитаніи, и во взглядахъ его современниковъ ему приходилось считаться. Такимъ образомъ ради исторической перспективы, которая необходима для научной оцѣнки дѣятельности каждаго выдающагося лица, какъ сына своего времени, мнѣ придется напомнить и нѣкоторые моменты жизни Пушкина и коснуться нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ и современниковъ.

Отдѣленные почти столѣтіемъ отъ дѣтскихъ годовъ Пушкина мы въ настоящее время съ трудомъ можемъ представить себѣ весь объемъ вліянія французскаго воспитанія, языка и литературы, сказывавшагося въ русскомъ дворянствѣ того времени. Сѣмена, брошенныя на русскую культурную почву въ половинѣ XVIII-го вѣка, дали въ началѣ слѣдующаго обильные плоды. Старшее поколѣніе русскихъ дворянъ временъ Екатерины II-й еще не всегда владѣло французскимъ языкомъ, но чувствовало уже обязательность французскаго образованія для своихъ преемниковъ. Юноша москвичъ Денисъ фонъ-Визинъ, съѣздивъ въ Петербургъ, побывавъ на куртагахъ и въ театрѣ, вернулся домой съ твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости овладѣть французскимъ языкомъ, безъ котораго трудно было дворянину считаться образованнымъ человѣкомъ. Даже въ глухой провинціи родители того времени всячески старались добыть изъ Москвы или Петербурга француза для обученія подростающаго поколѣнія. Вспомнимъ, что молодой Гриневъ („Капитанская дочка“), воспитанный вполнѣ патріархально, все же обучился у своего пьяненькаго гувернера съ грѣхомъ пополамъ болтать по-французски. Новыя поколѣнія русскихъ дворянъ, родившіяся въ концѣ вѣка, поставлены были уже въ болѣе благопріятныя условія для пріобрѣтенія образованія или, что̀ въ

то время съ нимъ вполнѣ отождествлялось, французскаго воспитанія. Потокъ французской эмиграціи, хлынувшій въ Россію вслѣдствіе революціи, введшій въ наше дворянское общество множество образованныхъ представителей французскаго дворянства, вытѣснилъ прежнее поколѣніе французскихъ гувернеровъ—нерѣдко парикмахеровъ и лакеевъ,—по крайней мѣрѣ изъ домовъ богатаго русскаго барства, изъ столицъ, въ глубь провинціи. Въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ возникло немало французскихъ частныхъ пансіоновъ, столь полюбившихся русскимъ дворянамъ. Появились образованные учителя и воспитатели, проникнутые нерѣдко идеями Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ. Библіотеки помѣщичьихъ домовъ были обильно снабжены великими французскими писателями XVIII и XVII вѣка. Русскіе баре соперничали въ изяществѣ манеръ и вкуса съ французскими гостями—маркизами и графами—и заговорили тѣмъ вылощеннымъ французскимъ языкомъ, нѣсколько архаическимъ, но изящнымъ, который поражаетъ насъ теперь при чтеніи мемуаровъ и писемъ конца XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Напрасны были вылазки сатиры XVIII вѣка противъ галломаніи: наша скудная силами литература, сама копировавшая французскіе образцы, не могла соперничать съ идейнымъ богатствомъ и изяществомъ формы французской литературы, широко разлившейся всюду внѣ предѣловъ Франціи, и плохія копіи, изготовляемыя домашними Корнелями и Расинами, не соблазняли даже самыхъ патріотически настроенныхъ русскихъ дворянъ, усвоившихъ съ дѣтства въ подлинникѣ французскихъ писателей.

Не могли ослабить послѣдствій вполнѣ укоренившагося французскаго вліянія и грозныя политическія событія начала XIX вѣка. Отказываясь отъ французскихъ товаровъ, надѣвая русскіе сарафаны и кокошники, дамы-патріотки высшаго круга изливали свое негодованіе противъ коварныхъ французовъ по-французски, плохо владѣя роднымъ языкомъ. Архипатріотъ Сергѣй Глинка, основавшій въ 1808 году „Русскій Вѣстникъ“ для прославленія Россіи и Россіянъ и для противопоставленія „національныхъ доблестей и привязанности къ святой старинѣ тлетворному духу западной Европы, порожденному философами XVIII вѣка“ [1]),

[1]) См. Русскій Вѣстникъ 1808 г. № 1, стр. 6.

Глинка, этотъ трибунъ, дѣйствовавшій съ такимъ энтузіазмомъ на московскихъ обывателей въ 1812 году (конечно съ разрѣшенія правительства), при всей своей ненависти противъ французовъ, говорилъ, по свидѣтельству Михаила Дмитріева, по-французски охотно и нерѣдко и на столько владѣлъ этимъ языкомъ, что перевелъ на него первые томы „Писемъ русскаго офицера“ младшаго своего брата Ѳ. Н. Глинки [1]). Другой не менѣе славный патріотическій дѣятель, адмиралъ Шишковъ, громившій иностранное воспитаніе, тлетворное вліяніе французовъ и противопоставлявшій карамзинскому слогу красоты славяно-россійскаго, самъ, благодаря французскому воспитанію, плохо зналъ русскій синтаксисъ и дѣлалъ нерѣдко галлицизмы, а супруга его положительно страдала въ обществѣ, не владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ. Капнистъ, умѣвшій въ своей комедіи „Ябеда“ овладѣть языкомъ приказныхъ, вставившій въ нее нѣсколько удачныхъ куплетовъ въ русскомъ духѣ, ставшихъ популярными въ свое время, также свободно владѣлъ французскимъ стилемъ и написалъ первою свое произведеніе „Оду на миръ Кайнарджинскій“ на французскомъ языкѣ [2]). Растопчинъ, поддѣлывавшійся въ своихъ пресловутыхъ афишахъ и въ разсужденіяхъ патріота Силы Богатырева подъ народный складъ рѣчи, гораздо складнѣе и свободнѣе владѣлъ французскимъ стилемъ, какъ доказываютъ его заграничные мемуары. Тотъ же патріотъ высоко цѣнилъ іезуитскіе пансіоны, процвѣтавшіе въ Петербургѣ до изгнанія іезуитовъ, и сходится въ этой оцѣнкѣ іезуитовъ, какъ воспитателей, съ Батюшковымъ, который восторгается лицеемъ Николя, перебравшагося въ Одессу, скорбитъ, что аббатъ имѣетъ враговъ, и утверждаетъ „по внутренному убѣжденію“, что іезуитскому лицею надобно пожелать здравія и долгоденствія для пользы и славы Россіи!“ [3]) Эти примѣры достаточно говорятъ о полномъ расцвѣтѣ французскаго вліянія въ русскомъ дворянствѣ къ началу XIX столѣтія, къ годамъ воспитанія бу-

---

[1]) Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 67 и 68.

[2]) Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte ottomane à Kaynardgi le 10 juillet, anno 1774. См. первую строфу у М. Дмитріева—Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 21.

[3]) См. А. Пыпина—Истор. Очерки. Характеристика литератур. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. С.-П.-Б. 1873, стр. 123.

дущаго національнаго поэта. Дворянская семья, въ которой онъ росъ, небогатая, но родовитая, не только вполнѣ подходила подъ общее правило въ культѣ французскаго языка и литературы, но, по своимъ литературнымъ наклонностямъ, шла впереди другихъ московскихъ офранцуженныхъ семей. Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, „маркизъ“ по манерамъ, владѣлъ въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, славился въ обществѣ, какъ устроитель petits jeux и каламбуристъ, мастерски читалъ дѣтямъ по вечерамъ французскихъ классиковъ, особенно Мольера [1]) и бойко писалъ стихи, особенно французскіе [2]). Мать поэта, Надежда Осиповна, „la belle créole“, какъ ее называли въ обществѣ, по своему знанію французской литературы и свѣтскости совершенно сходилась съ мужемъ. По свидѣтельству ея внука Л. Павлищева, въ ея письмахъ къ дочери замѣчается безукоризненный стиль какой-нибудь Севинье [3]). Дядя поэта, Василій Львовичъ, авторъ „Опаснаго сосѣда“, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, но въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ стилемъ и стихомъ, особенно славясь искусствомъ въ подборѣ bouts-rimés. Обычными гостями Пушкиныхъ въ Москвѣ были французскіе эмигранты въ родѣ графа Ксавье де-Местра извѣстнаго въ свое время автора „Voyage autour de ma chambre“, графа Бурдибура, Кашара, виконта Сентъ-Обена, находившіе въ русской дворянской семьѣ радушный пріемъ и безукоризненный французскій языкъ. Въ числѣ эмигрантовъ блистала остроумной бесѣдой талантливая піанистка Першеронъ де-Муши, вышедшая впослѣдствіи замужъ за знаменитаго Фильда [4]). Въ воспитаніи дѣтей—Александра, Льва и Ольги,—довольно безалаберномъ, чередовались французскіе гувернеры—Русло, Шедель, эмигрантъ графъ Монфоръ. Живопись преподавалъ сестрѣ поэта графъ Ксаверій де-Местръ. Вообще всѣ предметы, кромѣ русскаго и Закона Божія, преподавались по-французски. Но любопытно, что и законоучитель молодыхъ Пушкиныхъ, священникъ Маріинскаго Института, Александръ Бѣликовъ, обладалъ въ совершенствѣ знаніемъ французскаго языка и, по

---

[1]) Л. Павлищевъ. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, стр. 18.

[2]) См. его французскую стихотворную эпитафію на смерть собаки Руслана. Павлищевъ, стр. 135.

[3]) Павлищевъ, стр. 8.

[4]) Павлищевъ, стр. 17.

свидѣтельству Павлищева, въ гостинной Пушкиныхъ бесѣдовалъ съ французскими эмигрантами на ихъ же языкѣ, весьма ловко, при возникавшихъ преніяхъ, поражая ихъ собственнымъ оружіемъ—колкой насмѣшкой [1]). Обязательно говоря съ родителями и между собою по-французски, молодые Пушкины слышали русскую рѣчь только отъ прислуги и отъ старухи бабушки Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, которая обучала внуковъ русской грамотѣ, какъ единственная въ семьѣ представительница старшаго еще не офранцуженнаго поколѣнія русскихъ дворянъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, развившаяся въ будущемъ поэтѣ къ 9 годамъ страсть къ чтенію должна была найти себѣ обильную пищу во французской библіотекѣ отца, снабженной и классиками XVII вѣка, и Вольтеромъ съ энциклопедистами. По свидѣтельству біографа, „онъ проводилъ безсонныя ночи, тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и безъ разбора пожиралъ всѣ книги, попадавшіяся ему подъ руку. Вотъ почему замѣчаніе Льва Сергѣевича, что на 11-мъ году, при необычайной памяти своей, Пушкинъ уже зналъ наизусть—всю французскую литературу, можетъ быть, по мнѣнію Анненкова, принято съ нѣкоторымъ ограниченіемъ“ [2]). Естественно, что на подражаніи французскимъ образцамъ должны были возникнуть въ даровитомъ мальчикѣ первыя попытки къ стихотворству. А возникнуть онѣ должны были, даже при меньшей даровитости, уже въ силу простой подражательности, благодаря тому, что самый воздухъ въ семьѣ Пушкиныхъ былъ, если можно такъ выразиться, пропитанъ стихотворствомъ и литературными интересами. Дядя литераторъ, съ нѣкоторою извѣстностью въ обществѣ, отецъ стихотворецъ при случаѣ для домашняго обихода, гости эмигранты съ литературными наклонностями, знакомство съ заслуженными русскими литераторами—Карамзинымъ, Жуковскимъ, А. И. Тургеневымъ—все это неудержимо влекло къ литературѣ и младшее поколѣніе Пушкиныхъ. По свидѣтельству Л. Павлищева, въ домѣ Пушкиныхъ „благоденствовала и процвѣтала поэзія, а благоденствовала и процвѣтала она до такой степени, что и въ передней Пушкиныхъ поклонялись музѣ доморощенные стихотворцы и многочисленная дворня обоего пола, знаменитый пред-

---

[1]) Тамъ же, стр. 13.

[2]) А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи С.-П.-Б., стр. 12.

ставитель которой, Никита Тимоѳеевичъ, поклонявшійся одновременно и древнему богу Вакху,—на общемъ основаніи,—состряпалъ нѣчто въ родѣ баллады, передѣланной имъ изъ сказокъ, о „Соловьѣ разбойникѣ, богатырѣ широкогрудомъ Ерусланѣ Лазаревичѣ и златокудрой царевнѣ Миликтрисѣ Кирбитьевнѣ“ [1]). При маломъ знакомствѣ съ языкомъ русской поэзіи стихотворныя шалости 11-тилѣтняго Пушкина должны были вылиться на языкѣ его любимыхъ авторовъ Вольтера и Мольера. Его стихотворная шутка, изображающая битву между карлами и карлицами—La Tolyade—была задумана въ подражаніе Генріадѣ. Подъ впечатлѣніемъ Мольера поэтъ-мальчикъ состряпалъ комедію-шутку l' Escamoteur (Похититель), сильно не понравившуюся сестрѣ Ольгѣ, изображавшей публику въ единственномъ числѣ и освиставшей произведеніе брата, который въ извѣстномъ четверостишіи скромно сознается, что его „Похититель“ освистанъ справедливо, потому что „le pauvre auteur l'escamota de Molière“. Какъ характерны для уясненія среды, въ которой росъ Пушкинъ, эти литературныя французскія упражненія 11-лѣтняго автора и 13-лѣтняго критика! Строгій критикъ также наслѣдовалъ фамильную наклонность. Ольга Сергѣевна не менѣе брата любила литературу, писала русскіе и особенно французскіе стихи (см. ея стихотворенія въ Воспоминаніяхъ Павлищева „Sur un Songe, A la Nuit, Sur la Cigale и друг.), вела на французскомъ языкѣ свои записки („Mes souvenirs“) и наполняла свой альбомъ избранными французскими и русскими стихами.

Можно почти навѣрно предполагать, что мальчикъ Пушкинъ покушался еще дома, до поступленія въ лицей, на русскіе стихи, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ судить объ этихъ первыхъ попыткахъ его овладѣть русскимъ стихомъ, который, конечно, давался ему въ то время гораздо труднѣе, чѣмъ французскій.

Когда наступило время подумать объ общественной школѣ для мальчика, мысли родителей, что̀ очень характерно для того времени и для семейныхъ симпатій, останавливаются на іезуитскомъ коллегіумѣ въ Петербургѣ, и предпринимается спеціальная поѣздка въ столицу для переговоровъ съ директорами заведенія. Только счастливая случайность и содѣйствіе друга дома А. И. Тургенева

[1]) Тамъ же, стр. 7.

отклонили продолженіе французскаго образованія, предстоявшее будущему поэту въ іезуитской школѣ. Пушкинъ вступилъ въ Царскосельскій, аристократическій лицей, который долженъ былъ приготовлять молодыхъ людей для высшихъ ступеней государственной службы, развивая въ нихъ патріотизмъ и давая имъ наилучшее нравственное воспитаніе и умственное образованіе. Лучшія педагогическія силы столицы были привлечены въ это привилегированное заведеніе. Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, насколько оправдались ожиданія, возлагавшіяся на новое учрежденіе, насколько теорія, какъ часто бываетъ, разошлась съ практикой, на какомъ уровнѣ стояло преподаваніе учебныхъ предметовъ. Все это хорошо извѣстно по запискамъ современниковъ Пушкина. Не менѣе извѣстно и то, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ каждый ученикъ извлекаетъ изъ общаго преподаванія и воспитанья лишь то, что соотвѣтствуетъ его духовному складу, способностямъ и характеру. Для насъ важно только узнать, насколько почва, на которую вступилъ Пушкинъ въ Лицеѣ, была благопріятна для развитія его литературныхъ наклонностей. На этотъ вопросъ біографы Пушкина давно отвѣтили утвердительно. Отмѣчено было справедливо, что въ новое учебное заведеніе, повидимому, перешла традиція Московскаго благороднаго пансіона, игравшаго долго роль литературнаго питомника для нашего общества. Отрокъ Пушкинъ попалъ въ кружокъ сверстниковъ, мальчиковъ изъ образованныхъ дворянскихъ семействъ, съ хорошимъ знаніемъ французскаго языка и съ интересами къ литературѣ. Писаніе стиховъ составляло какъ бы дѣло спорта: Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ соперничали въ этомъ поэтическомъ упражненіи съ Пушкинымъ, и въ кружкѣ товарищей Илличевскій, повидимому, раньше Пушкина овладѣвшій русскимъ стихосложеніемъ, въ первое время имѣлъ надъ нимъ перевѣсъ. Первый на русскомъ языкѣ опытъ Пушкина (1812 г.) пѣсня къ Делiи („О, Делія драгая“) была дописана Илличевскимъ, такъ какъ авторъ, сложивъ первую строфу, не могъ сладить съ двумя остальными. Отъ того же года дошли до насъ еще два совершенно слабыя стихотворенія эротическаго содержанія, затѣмъ послѣ перерыва на цѣлый годъ (конечно отсутствіе стихотвореній объясняется только тѣмъ, что они случайно не сохранились) въ 1814 году мы находимъ уже 26 піесъ, въ 1815-мъ—столько же, въ 1816—50,

въ 1817—до 20, написанныхъ въ стѣнахъ Лицея. Но немного даютъ эти стихотворенія матеріала для наблюденія идейнаго развитія молодого поэта. При его необыкновенныхъ способностяхъ, при поэтической чуткости къ изяществу формы онъ быстро овладѣваетъ техникой стиха, здѣсь и тамъ блеснетъ удачнымъ эпитетомъ, нарисуетъ красивую картинку природы, сильнымъ и остроумнымъ штрихомъ окончитъ эпиграмму, но конечно поетъ еще съ чужого голоса. Даже въ преобладающихъ по числу эротическихъ стихотвореніяхъ рано развившаяся чувственность юноши облекается либо въ условныя формы псевдоклассическихъ идиллій, либо переходитъ въ приторность сентиментализма. Замѣчательно, съ какимъ упорствомъ поэтъ возвращается къ однимъ и тѣмъ же темамъ, съ какимъ постоянствомъ онъ копируетъ эротическія вещицы Вольтера, Парни, даже старичка Моро. Мелькающія въ его лицейскихъ произведеніяхъ имена французскихъ поэтовъ—Лафора, Шолiё, Грессе, Жильбера и др. ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ Лицеѣ они составляли его любимое чтеніе. Недаромъ товарищи прозвали Пушкина *французомъ*, что особенно сердило его въ періодъ патріотическаго возбужденія, вызваннаго событіями 12-го года. Не безмолвствовала и французская муза Пушкина: упражняясь въ подражаніяхъ французамъ на русскомъ языкѣ, онъ время отъ времени возвращается къ своему первому стихотворному языку. Таковы изящные Stances (1814 г.), посвященные княгинѣ Е. М. Горчаковой, Mon portrait (1814) и остроумные куплеты на заданную тему: jusqu'au plaisir de nous revoir.

„По единогласному свидѣтельству товарищей Пушкина, говоритъ Анненковъ [1]), вмѣстѣ съ французскою и отечественною словесностью, онъ преимущественно занимался исторіей, и между этими предметами дѣлилъ все свое время и всѣ свои чтенія“. Однако слѣдовъ этого историческаго интереса, кромѣ нѣкоторыхъ отголосковъ классическаго міра, мы не находимъ въ бѣдныхъ содержаніемъ эротическихъ стихотвореніемъ съ Піэридами, Харитами, пещерами Геликона, струями Иппокрены и прочими пріемами поэзіи XVIII-го вѣка. Не отразилось въ нихъ и вліяніе лекцій просвѣщеннаго профессора политическихъ наукъ, Куницына, развивавшаго лицеистовъ

[1]) Стр. 16.

въ духѣ первыхъ годовъ царствованія Александра. Среди піесокъ, посвященныхъ культу Вакха и Киприды, очень скромное мѣсто занимаютъ два три патріотическія стихотворенія, какъ юношескій откликъ на современныя событія. Но отъ этихъ торжественныхъ стиховъ, изготовленныхъ какъ бы по заказу къ экзаменамъ (напр. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“), вѣетъ холодомъ и стилемъ Державина, кстати и присутствовавшаго при чтеніи одного изъ нихъ на актѣ. Юноша поэтъ чувствуетъ себя какъ бы скованнымъ обязательными для произведеній высокаго стиля пріемами, и если они представляютъ для изслѣдователей развитія Пушкина какой-либо интересъ, то только какъ доказательство замѣчательной его способности къ усвоенію характера чужой и чуждой ему музы. Извѣстно, напримѣръ, съ какою легкостью выручилъ онъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, получившаго порученіе отъ императрицы Маріи Ѳедоровны написать стихи въ честь принца Оранскаго (впослѣдствіи короля Нидерландскаго Вильгельма II-го), сочетавшагося бракомъ съ в. княгиней Анной Павловной въ Петербургѣ въ февралѣ 1816 г. Престарѣлый поэтъ, не надѣясь на свои силы, поѣхалъ въ Лицей, передалъ это порученіе Пушкину, а черезъ часъ или два уѣхалъ изъ Лицея уже со стихами. Въ очень многихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ юный поэтъ искусно настраиваетъ свою лиру въ тонъ Батюшкова, въ нѣкоторыхъ звучатъ отголоски меланхолическаго отвлеченнаго стиля Жуковскаго. Словомъ, просматривая всѣ эти юношескіе опыты, мы видимъ какъ добросовѣстно Пушкинъ изучалъ свои образцы, какъ онъ работалъ надъ стихомъ, хотя въ посланіи Аристарху (Коншинскому) и завѣряетъ, что его стихи „плоды веселаго досуга“ не доставляютъ ему труда:

Не думай, цензоръ мой угрюмой,
Что я бѣснуюсь по почамъ,
Объятый стихотворной думой;
Что лѣнью жертвуя стихамъ,
Что засвѣтивъ свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взоръ,
За вѣрный столъ, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу трехстопный вздоръ...

Подводя итоги тому, что Пушкинъ вынесъ изъ стѣнъ Лицея, нельзя не сознаться, что багажъ его научныхъ свѣдѣній и знанія русскаго языка былъ довольно скроменъ. Положеніе начинающаго поэта въ петербургскомъ высшемъ литературномъ кружкѣ было блестящее: 16-лѣтній юноша, спрятанный въ стѣнахъ Лицея и подававшій оттуда свой звонкій голосъ прекрасными стихами, былъ принятъ какъ товарищъ въ кружокъ „Арзамаса“, подъ именемъ Сверчка. Стихотворенія его печатались въ журналахъ, читались на актахъ Лицея, распѣвались, положенныя на музыку лицейскими товарищами. Высочайшій литературный авторитетъ, Карамзинъ, цѣнилъ его дарованія, благодушный Жуковскій уже готовъ былъ признать себя учителемъ, побѣжденнымъ ученикомъ; Батюшковъ уже видѣлъ въ немъ соперника. А между тѣмъ, по профессорской оцѣнкѣ, его успѣхи даже въ русскомъ языкѣ были не блестящіе и, нужно сознаться, что изъ Лицея онъ не вынесъ даже твердой орѳографіи [1]) и вполнѣ правильнаго прозаическаго русскаго стиля. Мы увидимъ далѣе, какъ много поэту приходилось работать надъ своимъ прозаическимъ языкомъ и вдумываться въ строй русскаго синтаксиса. Въ своихъ запискахъ онъ искренно сознаетъ, что прозой пишетъ гораздо неправильнѣе, чѣмъ стихами, а говоритъ еще хуже. Не отрицаетъ, что грамматическія ошибки встрѣчаются, хотя рѣже, въ его стихахъ и что онъ былъ искренно благодаренъ критикамъ, если они ему ихъ указывали [2]). Понятія о народности, сложившіяся у будущаго національнаго поэта въ періодъ его школьнаго ученія, были не выше, чѣмъ у корифеевъ русской поэзіи того времени Батюшкова и Жуковскаго. Да и трудно было ожидать въ этомъ отношеніи бо̀льшаго отъ юноши, вполнѣ сроднившагося съ условными образами любимой имъ французской поэзіи и не находившаго болѣе правильнаго чутья народности въ своихъ русскихъ поэтахъ-руководителяхъ. Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся прослѣдить за Пушкинымъ въ двухъ направленіяхъ, чтобы уяснить себѣ, какимъ путемъ этотъ русскій французъ могъ дойти до геніальнаго воспроизведенія чисто народнаго языка и склада, напр.,

---

[1]) См. грубыя орѳографическія ошибки въ его письмахъ: нѣжели, напѣчатано и др. (Бартеневъ Пушкинъ въ южн. Россіи стр. 138, 142); двенадцать, мѣчты въ автографѣ стихотворенія „Я помню чудное мгновенье“, чемъ я хуже въ автографѣ письма къ А. И Тургеневу. Истор. Вѣсти. май 99 г.).

[2]) Изд. Морозова V, стр. 135.

въ его сказкахъ. Мы прослѣдимъ сначала его занятія русскимъ языкомъ, затѣмъ возрастаніе интереса къ чисто народному элементу и послѣдовательные успѣхи въ его пониманіи и поэтическомъ воспроизведеніи.

Двухлѣтнее пребываніе Пушкина въ Петербургѣ частью въ великосвѣтскихъ салонахъ, частью въ кругу лицейскихъ товарищей, пустая и разсѣянная жизнь, блестящіе успѣхи въ литературныхъ кругахъ, политическія мечтанія въ средѣ будущихъ декабристовъ — все это слишкомъ отвлекало поэта отъ серіознаго труда, отъ вдумчивости въ вопросы чисто русскаго языка, который въ Петербургскомъ обществѣ ему мало удавалось и слышать. Всюду слышалась та изящная французкая рѣчь, которая и самому поэту, по его сознанію въ позднѣйшемъ письмѣ къ Чаадаеву (1831), всегда была plus familière que la nôtre“ [1]). Что французскій языкъ легче всегда въ теченіе всей жизни Пушкина укладывался подъ его перо, когда онъ писалъ свободно, небрежно, для себя, это нетрудно видѣть въ нѣкоторыхъ черновыхъ наброскахъ, сохранившихся въ его бумагахъ. Приведемъ два-три примѣра изъ многихъ. Въ черновой замѣткѣ о книгѣ А. Н. Муравьева „Путешествіе къ св. мѣстамъ“ находимъ такія выраженія, которыя впослѣдствіи должны были перемѣнить свою французкую оболочку на соотвѣтствующую русскую: Онъ (Муравьевъ) traverse Грецію, préoccupé одною великою мыслію [2]). Въ черновой статьѣ-программѣ „О русской литературѣ съ очеркомъ французской“ мы читаемъ: „Ничтожество общее (т. е. въ русской литературѣ въ XVIII в.). Французская обмельчавшая словесность envahit tout“. Или тамъ же: „Ломоносовъ, плѣненный гармоніей риомы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, dégoûté славою Сумарокова“ [3]). Въ краткой замѣткѣ при чтеніи Вальтеръ-Скотта (въ 1825 г.) Пушкинъ такъ высказываетъ свое мнѣніе о немъ: „Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исто-

[1]) Изд. Морозова VII, стр. 214.
[2]) Изд. Морозова V, стр. 288.
[3]) Тамъ же, стр. 252.

pin, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французкіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles—car les grandes circonstances leur sont familères [1]).

Изъ этихъ примѣровъ очевидно, что французкій языкъ былъ роднымъ для поэта; что на немъ складывалась его мысль, облекаясь въ слово, по крайней мѣрѣ, когда она вращалась въ области научно-литературныхъ вопросовъ, что французскія выраженія быстрѣе русскихъ ложились подъ его прозаическое перо. Тѣмъ труднѣе была для Пушкина работа надъ прозаической рѣчью, когда онъ созналъ необходимость выработать свой повѣствовательный стиль. Первымъ опытомъ былъ повидимому простой пересказъ двухъ народныхъ преданій, разсказанныхъ поэту греками гетеристами Каравіей и Пендадеки и альбанцемъ Дукой, которыхъ онъ встрѣтилъ въ Кишиневѣ у Липранди. „Съ прозой бѣда—говорилъ Пушкинъ Липранди въ Одессѣ—хочу попробовать этотъ первый опытъ“ [2]). Отмѣтимъ любопытный фактъ, что первая попытка овладѣть стихотворною рѣчью была сдѣлана поэтомъ еще въ 1812 году, а первый опытъ прозаическаго разсказа для печати—только въ 1824. Впрочемъ, послѣдній, къ сожалѣнію, не попалъ въ печать, быть можетъ потому, что не вполнѣ удовлетворялъ автора. Интересно, какъ уже съ 1822 года вопросъ о русскомъ слогѣ останавливаетъ на себѣ упорно вниманіе Пушкина.

Такъ въ черновой статьѣ „О слогѣ“ (1822), повидимому не предназначавшейся для печати, авторъ высказываетъ недовольство вычурнымъ стилемъ нашихъ писателей: „но что сказать о нашихъ писателяхъ, которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ *дружба*, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и проч. Должно бы сказать: *рано поутру*, а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. Какъ это все ново и свѣжо! развѣ оно лучше

---

[1]) Изд. Морозова V, стр. 32. См. также французко-русскіе планы IV 332.

[2]) См. записки Липранди въ русск. Архивѣ 1866 стр. 1416.

потому только, что длиннѣе?“ [1]). И далѣе, ставя вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ? Отвѣчаетъ: Карамзина, но тутъ же прибавляетъ: *это еще похвала небольшая.* Скажемъ нѣсколько словъ о семъ почтен... На этомъ, къ сожалѣнію, рукопись обрывается и хотя мы не знаемъ, что высказалъ бы Пушкинъ о слогѣ Карамзина, но предыдущія слова показываютъ, что проза этого законодателя изящнаго стиля уже не вполнѣ удовлетворяла молодого писателя при его стремленіи къ простотѣ и тонко развитомъ чувствѣ художественной правды. Подобныя же мысли о недостаточной обработанности нашего прозаическаго языка читаемъ въ черновомъ отрывкѣ задуманной Пушкинымъ въ 1824 г. статьи. „О причинахъ, замедлявшихъ ходъ нашей словесности“: „Причинами, замедлявшими ходъ нашей словесности, говоритъ авторъ, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекательнымъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ“ [2]). Эти мысли въ напечатанной Пушкинымъ въ 1825 г. въ Моск. Телеграфѣ статейкѣ „О предисловіи Г. Лемонтѣ къ переводу басенъ И. А. Крылова“ дополняются и развиваются далѣе. „Положимъ, что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности(?): просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость политика и философія еще по-русски не изъяснились... Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены *создавать* обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, хотя механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны“ [3]). Лучшимъ доказательствомъ справедливости этихъ словъ служатъ прозаическіе опыты

---

[1]) Изд. Морозова V, стр. 15.
[2]) Изд. Морозова, стр. 19.
[3]) Изд. Морозова, V стр. 29.

самого Пушкина, въ которыхъ, не смотря на внимательную работу надъ языкомъ, нерѣдко проскальзываютъ французскіе обороты и особенно въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ содержаніе разсказа взято изъ жизни интеллигентнаго круга [1]). Первая изъ повѣстей Бѣлкина „Выстрѣлъ“ (1830 г.) прямо производитъ своимъ стилемъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ переводилъ ее съ французскаго.

Можно положительно сказать, что для изученія русскаго языка и народности благопріятнымъ событіемъ въ жизни Пушкина были его высылка изъ Петербурга, путешествіе на югъ, жизнь въ Кишиневѣ и затѣмъ пребываніе въ деревенской глуши въ Михайловскомъ. Непосредственное сношеніе съ простымъ народомъ, наблюденіе его жизни, знакомство съ его языкомъ и пѣснями должны были прямо повліять на впечатлительную художественную натуру, умѣвшую всюду подмѣчать черты красоты въ природѣ, въ языкѣ, въ народныхъ типахъ. Оставивъ столицу съ ея условными формами языка и мысли въ аристократическихъ салонахъ, Пушкинъ „опростился“ въ провинціи, сталъ изучать пеструю жизнь во всемъ ея разнообразіи, уподобляясь тѣмъ художникамъ (пленеристамъ), которые изъ городской студіи съ условнымъ освѣщеніемъ и манекенами, переодѣтыми въ костюмы, выносятъ свои мольберты на чистый воздухъ, наблюдая природу, свѣтовые эффекты и типы людей во всей ихъ реальной правдѣ. Періодъ литературныхъ вліяній на „свободнаго“ художника, какимъ былъ по натурѣ Пушкинъ, быстро проходитъ. „Властитель думъ“ всего молодого поколѣнія Европы, Байронъ, повліялъ лишь на немногія созданія поэта. Но впечатлѣнія личной жизни были на столько сильны, что заглушали эти внѣшніе навѣянные книгой образы. Откровенно-добродушный, неустойчивый, крайне впечатлительный, быстро переходящій изъ одного настроенія въ другое, поэтъ зналъ хорошо самого себя и свои слабости, сознавалъ, благодаря живому и свѣтлому уму, свое основное несходство съ англійскимъ пѣвцомъ и лишь на короткое время, увлекаясь его мрачнымъ на-

---

[1]) „Вы согласитесь, *что имѣя право* выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ“ говоритъ Сильвіо въ повѣсти „Выстрѣлъ“ (изд. Морозова IV, стр. 18). „Однакожъ, и это горе, какъ оно не велико, не есть *крайнимъ* еще для нихъ (въ отрывкѣ изъ повѣсти, изд. Морозова IV, стр. 399).

47532

строеніемъ, прельщался имъ болѣе какъ художникъ, благодаря дивной поэтической его оболочкѣ, чѣмъ по своей натурѣ, всегда стремившейся разрѣшать диссонансы жизни гармоническимъ аккордомъ. Если туманныя очертанія немногихъ героевъ Пушкина нужно отнести на счетъ этого книжнаго вліянія, то дивныя краски, которыми поэтъ набрасываетъ роскошныя картины природы Кавказа и Крыма, были взяты имъ съ собственной палитры. Несомнѣнную пользу вліянія англійскаго авторитета слѣдуетъ видѣть въ томъ, что онъ развязалъ Пушкину руки для внесенія этнографическаго элемента въ свои поэмы. Но, конечно, склонность къ этому была самой природой раньше заложена въ талантъ Пушкина, и совпаденіе въ этомъ интересѣ къ простымъ народнымъ типамъ у обоихъ поэтовъ было лишь случайнымъ...

Біографами Пушкина было уже указано, какимъ благопріятнымъ условіемъ могло быть путешествіе 1820 года для возбужденія и поддержанія въ поэтѣ интереса къ изученію русскаго языка и народности. Л. Н. Майковъ не сомнѣвается въ томъ, что начало общаго интереса Пушкина и Н. Н. Раевскаго [1]) къ личности Разина восходитъ ко времени ихъ совмѣстнаго путешествія по южнымъ степямъ, когда въ казачьихъ пѣсняхъ имъ случалось подмѣчать явные признаки сочувствія къ своевольному атаману гулящихъ шаекъ [2]). Языкъ этихъ разинскихъ пѣсенъ, ихъ захватывающій народный духъ не могли не отразиться благотворно на впечатлительномъ поэтѣ и содѣйствовать тому, что онъ быстро поднялся надъ той точкой зрѣнія, съ которой ему представлялась народность въ періодѣ его первыхъ лицейскихъ опытовъ (Бова. Русланъ и Людмила). Любопытно наблюдать въ его письмахъ съ юга, какъ русскій элементъ начинаетъ выдвигаться все болѣе и болѣе, особенно въ болѣе интимныхъ письмахъ къ брату Льву, кн. Вяземскому, Н. Раевскому. Мы узнаемъ изъ одного письма Пушкина къ брату (Кишиневъ 24 сентября 20 г.), что онъ написалъ замѣчанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ [3]), въ другомъ (1821 г.) онъ проситъ брата писать ему *по-рус-*

---

[1]) Извѣстно, что Н. Н. Раевскій собиралъ о немъ историческія свѣдѣнія и впослѣдствіи даже намѣревался писать исторію Разинскаго бунта.

[2]) Л. Майковъ. Историко-литературн. очерки. СПБ. 1895, стр. 146.

[3]) Изд. Морозова VII, 9.

ски, „потому что съ моими конституціонными друзьями (въ Кишиневъ) я скоро позабуду русскую азбуку“ [1]); въ письмѣ слѣдующаго года (1822, 24 января) онъ пишетъ брату: „Какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина“ [2]). Въ слѣдующемъ году (1823) онъ заявляетъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (изъ Одессы въ ноябрѣ), что недоволенъ своимъ языкомъ: „Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе“ [3]). Этотъ отзывъ 23 года уже почти совпадаетъ съ извѣстными словами въ „Критическихъ замѣткихъ 30—31 годовъ“ о томъ, что“, разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ кчигъ, и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ), достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій... Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ, онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ“ [4]).

Уже въ нѣкоторыхъ интимныхъ письмахъ этого періода къ литературнымъ столичнымъ пріятелямъ и къ брату замѣтно, что „опростившійся“ поэтъ какъ бы щеголяетъ чисто русскими выраженіями, пословицами, нерѣдко крѣпкими словцами [5]) и грубоватостью, хотя тутъ же, благодаря французской стихіи воспитанія, еще мелькаютъ ошибки противъ русскаго синтаксиса [6]).

Уже въ это время въ одномъ шутливомъ стихотвореніи Пушкина я вижу подражаніе складу одной русской народной пѣснѣ, свидѣтельствующее о томъ, что своеобразный складъ ея интересовалъ поэта. Такъ, едва ли я ошибусь, если сочиненную на югѣ шутку Пушкина (1823 г.):

---

[1]) Тамъ же стр. 22. Въ Кишиневѣ въ обществѣ, собиравшемся у М. Ѳ. Орлова, Пушкинъ проводилъ цѣлые дни. Бесѣды шли по большей части на французскомъ языкѣ. Бартеневъ, П. въ южной Россіи. М. 1862, стр. 52.

[2]) Изд. Морозова VII, стр. 28.

[3]) Изд. Морозова VII, стр. 57.

[4]) Тамъ же V, стр. 136.

[5]) См. изд. Морозова VII, стр. 68, 69, 72, 79, 80, 82.

[6]) Напр. тамъ же стр. 74.

Я вкругъ Стурдзы хожу,
Вкругъ библическаго;
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго.... [1])

сопоставлю по складу съ народной пѣсней:

Кругъ я печки хожу,
Кругъ муравленыя,
Я на печку гляжу
На муравленую и проч. [2]).

Вліяніе двухлѣтней жизни въ деревнѣ въ обществѣ старухи Арины Родіоновны, непосредственнаго ежедневнаго наблюденія народа, слушанья пѣсенъ и сказокъ на языкъ Пушкина представляетъ фактъ слишкомъ хорошо извѣстный, чтобы на немъ вновь останавливаться. Изъ переписки Пушкина конца 20 и начала 30 годовъ достаточно отмѣтить, на выдержку, только два-три характерныхъ письма. Особенно интересны въ этомъ отношеніи его письма къ невѣстѣ и затѣмъ женѣ. Своей невѣстѣ, согласно со свѣтскими обычаями, поэтъ посылаетъ изящныя французскія письма, не отступая отъ кодекса условныхъ приличій того времени [3]). Совершенно измѣняется языкъ и характеръ писемъ, которыя Пушкинъ посылаетъ женѣ съ 31 года въ теченіе своихъ временныхъ отлучекъ. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ письма 19 апрѣля 1833 г. изъ Оренбурга: „Что женка? Скучно тебѣ? Мнѣ тоска безъ тебя. *Кабы* не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ,— взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ“... И далѣе: „знаешь ли ты, что есть пословица, „на чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ“. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ“ [4]). Въ письмахъ къ пріятелямъ Пушкинъ нерѣдко любилъ вытряхивать запасъ пословицъ, застрявшій у него въ головѣ, благодаря интересу къ нимъ и замѣчательной памяти. Такъ въ утѣшеніе С. Л. Соболевскому, лишившемуся матери, Пушкинъ (въ 1828 г. 15 іюля) говоритъ: „Что

[1]) Изд. Морозова VII, стр. 54.

[2]) П. В. Шейнъ. Великоруссъ I, стр. 299.

[3]) Изъ 72 французскихъ писемъ Пушкина, напечатанныхъ въ изданіи Литературнаго фонда, 45 написаны къ дамамъ.

[4]) Изд. Морозова VII, стр. 326.

тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды, не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ... Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то-есть, по одежкѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего путнаго сказать не умѣю“ [1]).

Интересъ къ наблюденію языка не покидалъ Пушкина до конца его жизни. Не имѣя достаточной подготовки, необходимыхъ знаній по исторіи языка, онъ, какъ любитель, пускается въ этимологію, въ вопросы грамматики и орфографіи. Конечно его словопроизводства (напр., телѣги отъ тельца) кажутся намъ наивными, но уже цѣнно то, что поэтъ съ постояннымъ вниманіемъ относится къ фактамъ языка. Его интересуетъ исторія языка, напр., слова, вошедшія въ языкъ, какъ переводъ, иногда неправильный, съ французскаго; онъ внимательно читаетъ „Урядникъ сокольничья пути“ царя Алексѣя и выписываетъ изъ него термины соколиной охоты, онъ изучаетъ „Слово о П. И.“, обращается къ современнымъ ученымъ, предлагая имъ свои догадки и вызывая ихъ на розысканія. Въ бумагахъ его отъ 1834 г. сохранились начатыя имъ замѣчанія на текстъ этого памятника, котораго неясныя мѣста онъ старается (хотя безуспѣшно) осмыслить.

Недовольство Пушкина русскимъ литературнымъ языкомъ продолжается и въ тридцатыхъ годахъ, на что имѣемъ любопытное свидѣтельство В. И. Даля. Когда будущій составитель капитальнаго Толковаго словаря издалъ въ 1832 г. первый пятокъ своихъ русскихъ сказокъ казака Луганскаго, написанныхъ, какъ авторъ сознавался впослѣдствіи, съ цѣлью „познакомить земляковъ своихъ сколько нибудь съ народнымъ языкомъ“, Пушкинъ привѣтствовалъ это внесеніе народнаго языка въ литературу и, по словамъ В. И. Даля, „по обыкновенію, засыпалъ его множествомъ отрывочныхъ замѣчаній, которыя всѣ шли къ дѣлу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякаго изъ насъ на умѣ вертится, только что съ языка не срывается“. „Сказка сказкой“, говорилъ онъ—„а языкъ нашъ самъ по себѣ, и ему-то нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать?... Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по русски и не въ сказкѣ... Да нѣтъ, трудно,

---

[1]) Тамъ же VII, стр. 203.

нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!“ [1]) Слова Пушкина, по нашему мнѣнію, чрезвычайно характерны. Передъ нами художникъ слова, проникнутый глубокимъ удивленіемъ передъ силою, яркостью, пластичностью, красотою того многовѣковаго народнаго созданія, которое мы называемъ русскимъ народнымъ языкомъ. Онъ любуется имъ, но не знаетъ, какъ взять этотъ кладъ, который не дается въ руки. Онъ чувствуетъ, что въ ограниченной области народныхъ сказокъ ему можно дать ходъ, но какъ сдѣлать, чтобы это богатство народнаго языка вошло въ бо́льшій литературный оборотъ? Еслибы Пушкинъ былъ сколько нибудь подготовленъ филологически, еслибы онъ былъ знакомъ съ процессомъ выработки литературнаго языка въ связи съ культурнымъ ходомъ общества, онъ понялъ бы, что попытки къ реформѣ этого языка, путемъ искусственнаго внесенія въ него народной стихіи, не могутъ быть удачны, что насильственно втискиваемая народность не можетъ войти въ общій литературный оборотъ и что даже въ quasi-народныхъ сказкахъ Даля, написанныхъ размѣренной или риѳмованной прозой, уснащенной поговорками, прибаутками, чувствуется въ сущности искусственная поддѣлка подъ народный складъ, становящаяся въ концѣ концовъ просто скучной. Конечно, полуфранцузъ по воспитанію Пушкинъ, старавшійся исправить недостатки „проклятаго“ своего воспитанія, долженъ былъ высоко цѣнить въ Далѣ его замѣчательное знаніе народныхъ словъ и оборотовъ, цѣнить, быть можетъ, тѣмъ выше, что самъ, при всемъ желаніи, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такого богатства народнаго языка; но можно думать, что чувство художественной правды, столь сильно руководившее поэтомъ въ его твореніяхъ въ народномъ духѣ, не допустило бы его самого до сложенія народныхъ сказокъ во вкусѣ Даля, въ тонѣ и манерѣ народнаго бахаря и балагура.

Указавъ на постоянный интересъ Пушкина къ изученію языка, къ вопросамъ о слогѣ, приведемъ въ заключеніе нѣкоторыя свидѣтельства современника его проф. Шевырева: „Никто, говоритъ Шевыревъ, такъ не уважалъ формъ русскаго языка и русской просодіи, какъ Пушкинъ. Мы слышали отъ него много рѣзкихъ

[1]) Л. Майковъ—Очерки, стр. 246.

и остроумныхъ грамматическихъ замѣчаній, которыя показывали, какъ глубоко изучалъ онъ отечественный языкъ“ [1]). Извѣстно, съ какимъ усердіемъ Пушкинъ изучалъ памятники древней словесности, „Слово о Полку Игоревѣ“. Онъ помнилъ отъ начала до конца наизусть и готовилъ ему объясненія. Оно было любимымъ предметомъ его послѣднихъ разговоровъ. Нерѣдко въ бесѣдѣ приводилъ онъ цѣликомъ слова изъ государственныхъ грамотъ и лѣтописей. Начертить характеръ Пимена могъ онъ только по глубокомъ изученіи духа и языка лѣтописей. Кто изъ знавшихъ коротко Пушкина не слыхалъ, какъ онъ прекрасно читывалъ русскія пѣсни? Кто не помнитъ, какъ онъ любилъ ловить живую рѣчь изъ устъ простого народа? “[2]).

Отъ занятій Пушкина русскимъ языкомъ перейдемъ къ его этнографическому интересу вообще, къ его наблюденіямъ народной жизни, къ его изученію памятниковъ народной словесности. Мы уже упомянули, что его путешествіе 1820 года по южнымъ степямъ, въ обществѣ Н. Раевскаго, дало ему возможность наблюдать бытъ казаковъ и прислушиваться къ ихъ пѣснямъ. На Кавказѣ онъ знакомится частью по разсказамъ, частью по собственнымъ наблюденіямъ съ бытомъ черкесовъ и задумываетъ картину мѣстной природы и жизни, подчинивъ этнографическій элементъ романтической фабулѣ. Извѣстно, какъ самъ поэтъ (въ письмѣ къ Гнѣдичу 29 апр. 1822), чувствуя, что его этнографическая картина только внѣшнимъ образомъ введена въ планъ поэмы, сознается, что „описаніе нравовъ черкесскихъ (у него) не связано съ происшествіемъ и есть ничто иное, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника“ [3]). Въ Крыму поэтъ знакомится съ бытомъ южно-бережныхъ Татаръ и, изъ подражанія Байрону, вводитъ въ свою крымскую поэму татарскую пѣсню, въ которой мастерски характеризуетъ основныя черты чтителей пророка—мусульманскій фанатизмъ (священную войну газаватъ) и чувственную любовь. Въ Кишиневѣ и Одессѣ область его

---

[1]) „Москов. Наблюдатель“ 1837 г. іюнь кн. 1-я, стр. 318 примѣч. цитировано въ статьѣ Л. Н. Майкова—Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ. Русское Обозрѣніе 1893 май, стр. 25.

[2]) Москвитянинъ 1843 г. II, стр. 237. Приведено въ статьѣ Майкова Р. Обозрѣніе 1893 май, стр. 25.

[3]) Изд. Морозова VII, стр. 30.

этнографическихъ наблюденій еще болѣе расширяется: онъ знакомится съ цыганами, греками, итальянцами, альбанцами, сербами, болгарами. Онъ самъ кочуетъ по Бессарабіи въ теченіе нѣсколькихъ дней съ цыганскимъ таборомъ, раздѣляя, по поэтическому капризу, жизнь „смиренной вольности дѣтей“. Знаменитая пѣсня Земфиры „Старый мужъ, грозный мужъ“, какъ извѣстно, представляетъ удачное подражаніе популярной въ Кишиневѣ молдавской (ардемэ, фриджемъ [1]). По свидѣтельству В. П. Горчакова, Пушкина занимала также другая извѣстная молдаванская пѣсня (тю юбески пити масура), пляска сопровождаемая пѣніемъ, называемая *Мититика* и въ особенности такъ называемая *Сербешти* (сербская пляска) [2]). Знакомствомъ съ славянскимъ этнографическимъ элементомъ въ Кишиневѣ—Болгарами, Сербами—быть можетъ объясняется, по вѣроятному предположенію П. И. Бартенева, умѣнье, обнаруженное впослѣдствіи поэтомъ въ переложеніи славянскихъ пѣсенъ [3]). „Разсказы о героѣ сербскаго возстанія (Кара Георгіи) Пушкинъ могъ слышать отъ проживавшихъ въ Кишиневѣ сербскихъ воеводъ, съ которыми встрѣчался у Липранди, а впослѣдствіи онъ даже принимался записывать отъ знакомыхъ сербовъ ихъ юнацкія пѣсни“. [4]) Позднѣе въ 30 годахъ, когда ему въ руки попадаетъ сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича, онъ встрѣчаетъ въ немъ уже знакомыя черты сербскаго племени и заинтересовывается имъ на столько, что чувствуетъ желаніе воспроизвести нѣкоторыя пѣсни на русскомъ языкѣ. Въ его черновой тетради 1832—33 года „мы видимъ и выписку сербскаго текста одной изъ пѣсенъ, и его собственный переводъ ея“ [5]). При все возрастающемъ интересѣ къ мѣстному этнографическому элементу на югѣ, поэтъ искалъ всюду случая

---

[1]) Въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго отъ 24 сентября 1825 г. Пушкинъ говоритъ по поводу успѣха Цыганъ: „Радуюсь однако участи моей пѣсни: *Ржжь меня*—это очень *близкій* переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи его Вельегорскому. Кажется мотивъ чрезвычайно счастливый“. Изд. Морозова VII, стр. 156.

[2]) См. выдержку изъ воспоминаній В. П. Горчакова въ книжкѣ П. Бартенева—Пушкинъ въ южной Россіи, стр. 84.

[3]) Бартеневъ П. въ юж. Р. стр. 57.

[4]) См. Л. Майковъ Очерки, стр. 127.

[5]) Изд. Поливанова т., II, стр. 247.

дополнить недостатки своего образованія научнымъ чтеніемъ историческихъ и этнографическихъ книгъ. Въ Кишиневѣ онъ много читалъ, пользуясь книгами Инзова, Орлова, Пущина и всего чаще И. П. Липранди, владѣвшаго въ то время отличнымъ собраніемъ разныхъ этнографическихъ и историческихъ книгъ [1]). Наблюденіе пестрой „смѣси одеждъ и лицъ“ въ Бессарабіи возбуждало его любознательность и къ русской этнографіи. По его желанію младшій Раевскій присылаетъ ему съ В. П. Горчаковымъ нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ [2]) (вѣроятно сборникъ Чулкова).

Вѣроятно, поэтъ въ этой сказочной области искалъ темы для поэтической разработки, какъ можно судить потому, что сказка о царѣ Салтанѣ, обработанная имъ въ 1831 году, была набросана имъ въ черновой тетради въ первый разъ еще во время пребыванія на югѣ въ 1822 г. въ видѣ программы. Впослѣдствіи та-же сказка, быть можетъ, слышанная поэтомъ еще въ дѣтствѣ, была имъ снова записана со словъ няни въ Михайловскомъ.

Переходя къ непосредственнымъ записямъ Пушкина народныхъ произведеній, начнемъ со сказокъ, о которыхъ поэтъ былъ высокаго мнѣнія. „Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ восклицаетъ онъ въ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго (1824, конецъ октября), сообщая ему о своемъ уединенномъ образѣ жизни и о томъ, что по вечерамъ онъ слушаетъ сказки отъ Арины Родіоновны [3]). Но онъ не только слушалъ, но и набрасывалъ ихъ, какъ матеріалъ для будущаго, для поэтической разработки. Кажется, всего раньше воспользовался онъ изъ своей записи сказки о царѣ Салтанѣ тѣми сказочными деталями, которыя онъ внесъ въ свой дивный прологъ ко 2-му изд. Руслана и Людмилы. Именно въ этой записи мы находимъ нѣсколько строкъ, прямо попавшихъ въ начало пролога: „что за чудо!“ говоритъ мачеха, „вотъ что чудо: у моря Лукоморья стоитъ дубъ, а на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ—пѣсни поетъ [4]). Мы не знаемъ

---

[1]) Бартеневъ—П. въ юж. Россіи, стр. 62.

[2]) Тамъ же, стр. 62.

[3]) Изд. Морозова VII, стр. 88.

[4]) См. изд. Поливанова. II, 217

точно число сказокъ, записанныхъ Пушкинымъ. Но несомнѣнно сюда принадлежатъ: 1) сказка о женихѣ, передѣланная поэтомъ въ превосходную балладу, 2) о рыбакѣ и рыбкѣ, 3) о царѣ Салтанѣ, 4) о попѣ и работникѣ его Балдѣ, 5) о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ, 6) о золотомъ пѣтушкѣ. Кромѣ этихъ, обработанныхъ впослѣдствіи Пушкинымъ сказокъ, онъ передалъ свою запись сказки о царѣ Берендеѣ Жуковскому, когда въ Царскомъ селѣ въ 1831 году вступилъ съ нимъ въ поэтическое состязаніе въ стихотворной обработкѣ народныхъ сказочныхъ сюжетовъ, и сохранилъ въ черновыхъ бумагахъ передачу въ сжатомъ видѣ содержанія нѣсколькихъ сказокъ: о Кащеѣ безсмертномъ, его дочери и Иванѣ царевичѣ; о царѣ, его невѣрной женѣ и царевичѣ (повидимому варіантъ изъ цикла Соломоновыхъ сказаній), затѣмъ три сказки съ „чертовщиной“ [1]). Изъ своихъ же сказочныхъ матеріаловъ Пушкинъ сообщилъ В. И. Далю содержаніе сказки „о Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ“ [2]), которую тотъ изложилъ своимъ обычнымъ ультра-народнымъ стилемъ.

Еще обильнѣе были записи народныхъ пѣсенъ въ коллекціи Пушкина, и здѣсь мы имѣемъ возможность сообщить нѣкоторыя болѣе точныя данныя, не являвшіяся до сихъ поръ въ печати. Напомнимъ сначала факты, уже извѣстные.

Петръ Вас. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему „Собранію народныхъ пѣсенъ“, напечатанныхъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1848 г. Москва № 9), сообщаетъ, что еще въ самомъ началѣ его предпріятія собиранія народныхъ пѣсенъ Пушкинъ доставилъ ему замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи. Въ число пѣсенъ, вышедшихъ въ свѣтъ при жизни Кирѣевскаго, впрочемъ, не вошла ни одна изъ доставленныхъ Пушкинымъ. Къ какимъ отдѣламъ пѣсенъ принадлежали записанныя Пушкинымъ, Кирѣевскій не сообщаетъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о той же Пушкинской записи сравнительно недавно въ 1891 г. принесли „Мои воспоминанія“ Буслаева. Описывая свое посѣщеніе Кирѣевскаго въ 40-хъ годахъ, въ Москвѣ, покойный академикъ передастъ свой разговоръ съ нимъ по поводу его пѣсеннаго собранія. „Вотъ эту пачку, сказалъ Кирѣевскій,

[1]) См. Изд. Морозова III стр. 536—538.

[2]) См. сочиненія Даля изд. 1861 г. ч. IV, стр. 311.

далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „когда-нибудь отъ нечего дѣлать разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ“. И сколько не старался я разгадать эту загадку, — продолжалъ Кирѣевскій, — никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя“ [1]). Если Пушкинъ дѣйствительно помѣстилъ въ свою тетрадку не только подлинныя народныя пѣсни, но и свои подражанія имъ, то для насъ, дорожащихъ каждымъ стихомъ поэта, было бы очень важно имѣть въ рукахъ эту пушкинскую тетрадку, чтобы попытаться разгадать загадку, съ которой Кирѣевскій не могъ сладить. Къ сожалѣнію, судьба подлинныхъ Пушкиныхъ записей, переданныхъ имъ Кирѣевскому, до сихъ поръ неизвѣстна. Готовя къ изданію свой сборникъ пѣсенъ, разросшійся до нѣсколькихъ тысячъ №№-овъ, Кирѣевскій разверстaлъ ихъ по содержанію на нѣсколько отдѣловъ и заказалъ переписчикамъ списать каждую пѣсню на отдѣльномъ листкѣ, сортируя затѣмъ пѣсни по рубрикамъ. Сборникъ его, какъ извѣстно, складывался въ теченіе 30-лѣтія частью изъ собственныхъ записей, частью изъ обильныхъ матеріаловъ, доставляемыхъ ему многими любителями народныхъ пѣсенъ: Павломъ Якушкинымъ, В. И. Далемъ, братьями Языковыми, кн. Костровымъ, А. П. Поповымъ, К. Д. Кавелинымъ и друг. При жизни Кирѣевскаго была напечатана только самая незначительная часть его богатства: собраніе духовныхъ стиховъ и нѣсколько былинъ. Послѣ смерти собирателя въ 1856 году, собранные имъ матеріалы были переданы Вас. Алексѣевичемъ Елагинымъ Московскому Обществу любителей россійской словесности, которое, при секретарствѣ П. А. Безсонова, приступило къ изданію пѣсенъ Кирѣевскаго. Въ теченіе періода отъ 1860 по 74 годъ, неутомимый издатель покойный Безсоновъ успѣлъ напечатать 10 выпусковъ, въ которые вошли изъ собранія Кирѣевскаго такъ наз. былины и историческія пѣсни. Въ свое изданіе „Каликъ перехожихъ“ Безсоновъ внесъ еще нѣсколько №№ изъ духовныхъ стиховъ того же источника. Все это вмѣстѣ взятое далеко не исчерпываетъ богатства сборника Кирѣевскаго, даже не составляетъ его наиболѣе интересной части. Занимающіеся русскимъ народнымъ эпосомъ знаютъ, что по обилію и сохранности текстовъ

[1]) См. „Мои воспоминанія“ Вѣстникъ Европы 1891 октябрь, стр. 637.

былины въ сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга значительно превосходятъ тѣ „былевыя“ записи, которыя были доставлены Кирѣевскому главнымъ образомъ изъ центральныхъ губерній, гдѣ былинная традиція замолкла гораздо ранѣе, чѣмъ на сѣверѣ Россіи (въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ) и въ Сибири. Главный интересъ сборника Кирѣевскаго не въ нихъ, а въ народной лирикѣ, охватывающей пѣснями всѣ моменты народной жизни. Такихъ пѣсенъ (свадебныхъ, любовныхъ, бесѣдныхъ, молодецкихъ, хороводныхъ, плясовыхъ и проч.) было собрано Кирѣевскимъ до 5000 №№ по нашему счету, и до сихъ поръ ни одна изъ нихъ еще не напечатана.

Эти пѣсни Кирѣевскаго хранятся въ отдѣльныхъ папкахъ, подобранныя по разрядамъ и переписанныя на отдѣльныхъ листкахъ въ восьмушку писчаго листа, въ Румянцовскомъ Музеѣ въ шкафу, принадлежащемъ Обществу любителей русс. словесности, и въ настоящее время изготовляются къ печати. Тамъ же хранятся отдѣльныя тетрадки, т. наз. черновыя, т. е. подлинныя записи, доставленныя Кирѣевскому его сотрудниками, цѣнные автографы современныхъ ему любителей народной пѣсни. Въ числѣ этихъ черновиковъ должна была бы храниться и тетрадка, доставленная Пушкинымъ. Но ея нѣтъ. Наши поиски, С. О. Долгова, завѣдующаго собраніемъ рукописей, и мои, остались безплодны. Судьба тетради Пушкина, о которой говоритъ Кирѣевскій и которую видѣлъ Буслаевъ, неизвѣстна, и гадать о ней безполезно, хотя нельзя оставлять надежды, что она можетъ отыскаться впослѣдствіи. Въ виду интереса всякаго извѣстія современниковъ о Пушкинѣ могу сообщить слѣдующіе факты, добытые мною при просмотрѣ содержимаго помянутаго выше шкафа, хранящаго сборникъ Кирѣевскаго.

Среди небольшихъ папокъ съ переписанными, но еще не подобранными для печати, пѣснями, оказались двѣ толстыя переплетенныя въ видѣ книгъ тетради большого формата [1]). Просмотрѣвъ ихъ, мы убѣдились немедленно изъ заглавной страницы, что это вполнѣ приготовленный самимъ Кирѣевскимъ еще къ 38-му году экземпляръ 1-ой части его пѣсенъ, которую онъ намѣревался выпустить въ свѣтъ въ этомъ году. На заглавномъ листѣ читается

[1]) Форматъ большого листа почтовой бумаги.

надпись: „Русскія народныя пѣсни, изданныя П. Кирѣевскимъ“ Часть 1-я. Пѣсни *свадебныя*. Затѣмъ внизу, начинаясь на заглавной страницѣ и продолжаясь по всѣмъ страницамъ обѣихъ книгъ, конечно, съ дѣленіемъ по слогамъ и многократнымъ повтореніемъ, какъ принято въ разсматриваемыхъ цензурою рукописныхъ сочиненіяхъ, тянется подлинная подпись цензора: „Поступила марта 4 дня 1838 года. Цензоръ и кавалеръ Иванъ Снегиревъ“. Излишне гадать, почему при жизни Кирѣевскаго не была издана еще въ 1838 году эта вполнѣ готовая для отдачи въ типографію рукопись. Для насъ интереснѣе, что въ этотъ отдѣлъ свадебныхъ пѣсенъ вошло нѣсколько NN-овъ изъ тетради Пушкина черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти поэта. Такъ въ I-мъ томѣ изъ пушкинской тетради взятъ № 4:

„Береза бѣлая, береза кудрявая!
Куда ты клонишься, куда поклоняешься?“
— Я туда клонюсь, туда поклоняюся,
Куда вѣтеръ повѣетъ.—
„Княгиня душенька, куда ты ладишься?“
— Туда я лажуся, куда батюшка отдастъ,
Съ родимой матушкой“.—

Но особенно цѣнно сопровождающее эту пѣсню примѣчаніе Кирѣевскаго: „Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 NN пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“. Здѣсь мы впервые точно узнаемъ число доставленныхъ Кирѣевскому Пушкинымъ пѣсенъ и изъ просмотра обѣихъ книгъ 1-й части „Свадебныхъ“ видимъ, что̀ изъ пушкинскаго сборника было взято Кирѣевскимъ туда 12 NN-овъ, что составляетъ почти четверть общаго числа записанныхъ поэтомъ народныхъ пѣсенъ. Такое вниманіе Пушкина къ свадебнымъ пѣснямъ понятно для всякаго этнографа. Въ этихъ пѣсняхъ, сопровождающихъ разные моменты свадебнаго обряда, традиціонно хранимыхъ преимущественно женщинами, какъ извѣстно, донеслось даже до нашихъ дней не мало слѣдовъ старины, старины временъ боярскихъ, такъ какъ вся обстановка крестьянскаго свадебнаго обряда, съ его свадебными чинами, представляетъ какъ бы копію старинной бояр-

ской и княжеской свадьбы, начиная съ названія молодыхъ княземъ и княгинею. Въ 20-хъ годахъ, когда такія пѣсни записывалъ Пушкинъ, вѣроятно въ своей деревнѣ, въ Михайловскомъ, вся обрядовая старина крестьянской свадьбы была еще свѣжѣе, чѣмъ въ наши дни, и уже съ этой стороны пушкинская запись представляетъ нѣкоторый интересъ. Но нельзя не отмѣтить и того, что Пушкинъ понималъ необходимость указывать, къ какому именно моменту свадьбы пріурочена та или другая пѣсня, т. е. пріемъ, который въ настоящее время нашими этнографическими программами рекомендуется любителямъ, какъ научное требованіе. Такъ, въ тетрадкѣ, доставленной имъ Кирѣевскому, онъ въ поясненіе пѣсенъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія. Напр., пѣсня (LXIV) „Какъ у нашего князя невесёлые кони стоятъ“ и проч., поется, по его словамъ, когда идутъ за невѣстою къ вѣнцу. По поводу пѣсни „Трубчистая коса вдоль по улицѣ шла“ онъ замѣчаетъ: „Дня за два передъ дѣвичникомъ кладутъ на блюдо ленты изъ косы невѣстиной. Братъ ея или ближній родственникъ носитъ блюдо по улицѣ. Это называется: красу носить. Между тѣмъ поютъ“ (слѣдуетъ пѣсня). При пѣснѣ: „Ягода съ ягодой сокатилася“ читаемъ поясненіе Пушкина, что ее „дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится изъ церкви“. Едва ли поэтому мы ошибемся, если предположимъ, что Пушкинъ у себя въ деревнѣ лично наблюдалъ всю обрядовую сторону крестьянской свадьбы и записалъ пѣсни въ связи съ моментами обрядности, какъ и требуетъ этнографическая точность. Глубоко интересуясь русской стариной, читая въ то время въ деревнѣ русскія лѣтописи и Исторію Карамзина, обдумывая „Бориса Годунова“, Пушкинъ естественно долженъ былъ увлечься слѣдами стариннаго быта въ свадебныхъ пѣсняхъ, которыя своимъ драматизмомъ и нерѣдко глубокимъ чувствомъ привлекали его и какъ поэта. Напомнимъ, какъ онъ удачно пользуется ими, напримѣръ, въ „Русалкѣ“ и въ эпиграфахъ къ нѣкоторымъ главамъ „Капитанской дочки“. (Глава XII Сирота, Глава V. Любовь).

Вѣроятно впослѣдствіи, при болѣе точномъ пересмотрѣ всего собранія Кирѣевскаго окажутся и другія пѣсни, кромѣ свадебныхъ, записанныя Пушкинымъ. До сихъ поръ, въ изданныхъ Безсоновымъ выпускахъ появились только 2., интересныя въ томъ отношеніи, что доказываютъ непосредственное знакомство поэта и съ

живою *эпической* народной стариной. Таковъ записанный имъ хорошій варіантъ пѣсни о „Ванькѣ ключникѣ“ [1]), и пѣсня историческая, „Бѣжитъ рѣчка по песку“, напечатанныя въ 10-мъ выпускѣ (стр. 211). Кромѣ историческихъ пѣсенъ, переданныхъ Пушкинымъ Кирѣевскому, у него была еще коллекція пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ, записанныхъ имъ вѣроятно еще въ путешествіи 1820 г., когда онъ заинтересовался казаками и разбойниками. Двѣ разинскія пѣсни (о сынѣ Стенькѣ Разина), считавшіяся прежде Пушкинскими подражаніями, оказались послѣ сличеній, сдѣланныхъ П. Голохвастовымъ [2]), не сочиненными поэтомъ, а только записанными имъ [3]). Такою же записью подлиннаго народнаго достоянія оказалась пѣсня „Изъ быта волжскихъ разбойниковъ“ (точнѣе о морянинѣ или „Девять братьевъ разбойниковъ и сестра“), старинная пѣсня, кажется, новгородскаго происхожденія, которую поэтъ вѣроятно записалъ въ Псковской губерніи [4]). Изъ бытовыхъ пѣсенъ, записанныхъ поэтомъ въ 1825 году, въ изданіяхъ помѣщаются еще двѣ: „Какъ за церковью, за нѣмецкою“ и „Во лѣскѣ дремучемъ, тутъ брала дѣвка ягоды“ [5]), о которыхъ мы не знаемъ, вошли ли онѣ въ тетрадку, переданную Пушкинымъ Кирѣевскому. Затѣмъ два изъ черновыхъ набросковъ, относимыхъ къ 1833 году, до такой степени близки къ народнымъ пѣснямъ, („Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ“, и „Другъ мой милый, красно солнышко мое“), что производятъ впечатлѣніе лишь легкой ретушировки подлинныхъ пѣсенъ, которыя либо лежали предъ поэтомъ въ записи, либо хранились въ богатомъ запасѣ его памяти. Если къ перечисленнымъ Пушкинскимъ записямъ мы прибавимъ найденный недавно С. О. Долговымъ автографъ поэта съ отрывкомъ народной пѣсни, повидимому изъ казацкаго цикла, и тѣ отрывки изъ пѣсенъ, которые встрѣчаются, какъ эпиграфы надъ нѣкоторыми главами „Капитанской дочки“ и приводятся въ примѣчаніяхъ къ исторіи Пугачевскаго бун-

---

1) Пѣсни Кирѣевскаго, вып. V, стр. 137, 138.

2) Въ газетѣ „Русь“ 1881 г. №№ 11, 13, 16.

3) См. изд. Морозова т. I, стр. 372 и 373.

4) См. варіанты этой широко извѣстной пѣсни въ сборникѣ, изданномъ подъ редакціей проф. А. И. Соболевскаго въ т. I.

5) Изд. Морозова I, стр. 372.

та [1]), то, кажется, исчерпаемъ собраніе народныхъ пѣсенъ, записанныхъ поэтомъ лично. Но нѣтъ сомнѣнія, что благодаря любви къ народному и пѣснопѣнію, счастливой памяти, Пушкинъ зналъ множество и другихъ народныхъ пѣсенъ наизусть, выучивъ ихъ либо изъ тогдашнихъ сборниковъ (Чулкова, Новикова, Прача и др.), либо перенявъ отъ народа, такъ что въ свое время былъ дѣйствительно однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русской народной поэзіи.

Народное творчество интересовало его во всемъ своемъ объемѣ, во всѣхъ областяхъ. Мы видѣли, какъ высоко цѣнилъ онъ народныя „чудесныя“ сказки, которыя, по его болѣе позднему отзыву, (1831 г.) „ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ“ [2]). Мы видѣли его собирателемъ и цѣнителемъ народныхъ пѣсенъ — эпическихъ и лирическихъ [3]). Но не менѣе увлекается онъ наивной прелестью легендъ и духовныхъ стиховъ. Въ письмѣ къ Плетневу (1831 г. апрѣль) онъ совѣтуетъ Жуковскому читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ: „прелесть простоты и вымысла!“ [4]). Въ 1836 году, когда по временамъ его вдохновеніе принимаетъ религіозное направленіе, онъ проситъ въ письмѣ Н. М. Языкова (14 апрѣля): „Пришлите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ и еще какую нибудь легенду; *нужно*“ [5]). Знаменитая „Исторія села Горохина“, эта яркая бытовая картина или вѣрнѣе эскизъ, шутливая пародія стиля и историческихъ пріемовъ Карамзина, свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ похоронными крестьянскими *причитаніями* [6]). Въ Критическихъ замѣткахъ поэта находимъ разборъ нѣкоторыхъ русскихъ *пословицъ* [7]). Словомъ, во всѣхъ областяхъ народнаго творчества мы видимъ у Пушкина добросовѣстное изученіе подлиннаго народнаго достоянія, нерѣдко изъ первыхъ рукъ, руководимое вполнѣ сознательнымъ убѣжде-

[1]) Изд. Морозова т. IV стр. 189, 196, 209, 215, 223. т. VI стр. (гдѣ приведенъ отрывокъ изъ одной солдатской пѣсни, записанной Пушкинымъ во время поѣздки на Уралъ).

[2]) Изд. Морозова VII, стр. 267.

[3]) См. его отзывъ о народныхъ пѣсняхъ въ „Мысляхъ на дорогѣ“, изд. Морозова т. VII, стр. 232.

[4]) Изд. Морозова VII, стр. 267.

[5]) Тамъ же, стр. 397.

[6]) Изд. Морозова, стр. 106.

[7]) См. изд. Морозова V, стр. 137.

ніемъ въ необходимости такого внимательнаго изслѣдованія народности. Если при этомъ мы припомнимъ, въ какомъ положеніи засталъ поэтъ изученіе народности въ современной ему русской наукѣ, то убѣдимся, что по этому пути Пушкинъ шелъ самостоятельно, вынесъ свое убѣжденіе не изъ научной литературы, а изъ личныхъ наблюденій, изъ своихъ поѣздокъ по Россіи, и, какъ этнографъ любитель, предварилъ многихъ ученыхъ. Мастерскимъ, не превозойденнымъ до сихъ поръ, воспроизведеніемъ народнаго духа и колорита, достигнутымъ имъ въ нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію, не оконченныхъ наброскахъ еще въ 1825 году, онъ обязанъ не одному геніальному своему дарованію, но и внимательному собиранію и изученію народныхъ образцовъ, которые раскрыли ему народность такою, какою она не представлялась раньше ни ему, ни его предшественникамъ. Чтобы вполнѣ уяснить тѣ самостоятельные шаги, которые сдѣлалъ въ этомъ направленіи поэтъ при всей своей научной неподготовленности и своемъ полуфранцузскомъ воспитаніи, намъ слѣдуетъ теперь припомнить, каково было отношеніе къ народному элементу въ поэтической литературѣ, какъ предшествующіе и современные ему поэты пользовались этимъ элементомъ, въ какомъ видѣ онъ допускался въ „изящную“ словесность...

Время, въ которое воспитывался Пушкинъ, не далеко ушло отъ XVIII вѣка въ пониманіи и художественномъ воспроизведеніи народности, обусловленныхъ господствомъ французскаго псевдоклассицизма во всѣхъ отрасляхъ изящной словесности. Наслѣдовавъ взглядъ и манеру литературной западной школы, наша зарождающаяся историческая литература видѣла въ періодѣ русской древности эпоху героическую и изображала ее во вкусѣ классической древности или отыскивала въ ней эпоху патріархальной невинности и простоты нравовъ, внося въ ея изображеніе представленіе классической идилліи. Въ такую же идиллическую патріархальность облекала поэзія и современный бытъ простонародья, прикрашивая и подрумянивая крестьянъ (пейзановъ), когда въ такъ называемыхъ операхъ изъ ихъ быта выпускалась на сцену народная толпа, для увеселенія публики родными пѣснями и на-

ціональной пляской. Знакомая съ неизбѣжнымъ атрибутомъ псевдо-классицизма греко-римской миѳологіей, наша наука и литература изъ чувства соревнованія создавала древне-русскую миѳологію, отыскивая въ ней „боговъ“ и „богинь“, соотвѣтствовавшихъ классическимъ, пользуясь для этой цѣли самыми подозрительными источниками (Стрыйковскій, Кромеръ, Гизель и друг.). Лады, Лели, Позвизды и проч. чередовались у поэтовъ XVIII и начала XIX вѣка съ классическими Кипридами, Аполлонами, Эротами съ тѣмъ большей свободой, что изящная словесность могла ссылаться на авторитетъ современной науки. Такъ, Херасковъ не усомнился внести въ свою эпическую поэму „Владиміръ“ описаніе древнихъ русскихъ божествъ, почерпнутое имъ изъ такого источника, какъ книга Попова „Описаніе славянскаго баснословія“ (1768 г.), свободно дополнявшая воображеніемъ слишкомъ недостаточныя свѣдѣнія о древне-русскомъ Олимпѣ. При скудости историческихъ изслѣдованій возможны были еще въ началѣ XIX вѣка такія наивныя поддѣлки, какъ гимнъ Баяна на мнимо-старинномъ языкѣ, найденный въ „свиткѣ I вѣка“, вмѣстѣ съ нѣсколькими „произреченіями пятаго столѣтія новогородскихъ жрецовъ“, переложенный Державинымъ въ стихи [1]). Съ интересомъ и довѣріемъ, какъ къ памятнику національной старины, сохранившейся якобы въ народѣ, еще читались въ это время сказки Мих. Дмитр. Чулкова [2]) (1780 г.), въ которыхъ разсказы о подвигахъ Добрыни, Тугарина на ряду съ народными отголосками свидѣтельствуютъ о богатой фантазіи издателя, и гдѣ на ряду съ нашими былинными именами являются разные Баламиры, Гассаны, волшебница Добрада, обрскіе князья, скіоскія царевны, и русская миѳологія представлена богами Свѣтовидомъ, Ладою и проч[3]). При псевдо-классическомъ и затѣмъ сентиментально-идиллическомъ отношеніи къ народности, не удивительно, что ни высокохудожественный новооткрытый памятникъ русской поэзіи XII вѣка „Слово о Полку Игоревѣ“, ни подлинное народное достояніе, эпическія пѣсни, такъ наз. сборникъ Кирши Данилова, не встрѣ-

---

[1]) Пыпинъ. Исторія русской этнографіи I стр. 73.

[2]) Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія. М. 1780—83 10 частей. 3-е изд., сокращенное въ 6 частяхъ. М. 1820.

[3]) Пыпинъ наз. соч. I стр. 68.

тили при своемъ появленіи въ свѣтъ ни научной, ни справедливой художественной оцѣнки, такъ какъ современные ученые и литераторы запутались въ теоретическихъ взглядахъ на пихъ. Такъ, первый рецензентъ, откликнувшійся въ журнальной литературѣ на изданіе „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ Якубовичемъ, извѣстный патріотическій писатель Сергѣй Глинка (1808 г.) припоминаетъ по поводу ихъ Иліаду и Одиссею, уподобляетъ наши былины въ „нѣкоторомъ смыслѣ“ поэмамъ Оссіяновымъ и старымъ французскимъ балладамъ, объясняетъ устную традицію, донесшую до насъ стихотворенія праотцевъ тѣмъ, что „наши праотцы были чувствительны, нѣжны и любили преданія прошедшихъ временъ“, разсматриваетъ пѣсни съ нравственной стороны, отыскивая въ нихъ образцовъ добродѣтелей предковъ, но представляетъ своимъ читателямъ нашихъ народныхъ богатырей то классическими героями, то средневѣковыми рыцарями и не умѣетъ открыть въ нихъ именно національныя русскія черты, уловить того вѣянія народности, которымъ запечатлены былины этого перваго по времени сборника. Болѣе ученый, чѣмъ С. Глинка, Калайдовичъ, давшій 2-е, болѣе полное изданіе „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ въ 1818 г., также не былъ въ состояніи вполнѣ уяснить его значеніе своимъ современникамъ. Какъ любитель русской народной старины, отголоски которой еще доходили до него непосредственно въ бытовавшихъ тогда и слышанныхъ имъ лично народныхъ старинныхъ сказкахъ и историческихъ пѣсняхъ, онъ понималъ цѣну „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“ и не считалъ дѣломъ ниже своего достоинства, какъ серьезнаго ученаго филолога, заняться ихъ изданіемъ, но при господствѣ псевдоклассической теоріи о родахъ и видахъ піитическихъ произведеній онъ затруднялся вопросомъ, куда отнесть стихотворенія Кирши Данилова, какой взглядъ установить на ихъ слогъ, и, при отсутствіи научныхъ понятій о народномъ эпосѣ, не могъ уяснить себѣ настоящей роли Кирши, который то представляется ему собирателемъ, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, то авторомъ, стихотворцемъ, слагавшимъ пѣсни изъ сказокъ подъ вкусъ необразованной и иногда „слишкомъ веселой“ публики. Каковъ былъ взглядъ на Бояна въ новооткрытомъ Словѣ о П. И. у Карамзина въ началѣ нашего столѣтія (въ 1802 г.) видно изъ его статейки о немъ, вошедшей въ „Пантеонъ россійскихъ авторовъ“. „Мы не знаемъ, говоритъ

Карамзинъ, когда жилъ Баянъ [1]) и что было содержаніемъ его *сладкихъ гимновъ* (sic); но желаніе сохранить имя и память древнѣйшаго русскаго поэта заставило насъ изобразить его въ началѣ сего изданія. Онъ (въ гравюрѣ) слушаетъ поющаго соловья и старается подражать ему на лирѣ (sic) [2]). Можетъ быть, жилъ Баянъ во времена Героя Олега (?); можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ сего Аргонавта къ Царю-Граду, или несчастную смерть храбраго Святослава, который съ горстью своихъ погибъ среди безчисленныхъ печенѣговъ, или блестящую красоту Ольги, ея невинность (?) въ сельскомъ уединеніи, ея славу на тронѣ". Отношеніе того же автора, самаго авторитетнаго писателя своего времени, къ русскимъ народнымъ сказкамъ всего ярче видно въ сложенной имъ (но не оконченной) богатырской сказкѣ „Илья Муромецъ", которая вызвала подражанье у юноши-Пушкина. Желая разсказать сказку „словомъ древности", какъ онъ обѣщаетъ читателю, Карамзинъ прибѣгаетъ къ особому стихотворному размѣру (3 хорея+дактиль), которымъ, по его увѣренію, сочинены почти всѣ наши старинныя пѣсни и, совершенно игнорируя народныя представленія о національномъ богатырѣ, изображаетъ „величайшаго изъ витязей, *чудодѣя* (sic) Илью Муромца" романтически настроеннымъ рыцаремъ, который хотя

Геспера не читывалъ,
Но, имѣя сердце нѣжное,
Любовался красотою дня;
Тихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
И въ душѣ своей чувствительной
Жертву утреннюю, чистую
Приносилъ Царю небесному.

Илья Муромецъ, этотъ, по народному представленію, старый казакъ, не укидывавшійся, въ противоположность юнымъ богатырямъ, „на прелесть женскую", изображенъ въ такихъ чертахъ:

„Онъ подобенъ маю красному:
Розы алыя съ лилеями

[1]) Хотя вѣкъ Бояна (XI) довольно ясно опредѣляется въ Словѣ о П. И.

[2]) Итакъ и старинный русскій пѣвецъ не могъ обойтись безъ классической лиры.

Расцвѣтаютъ на лицѣ его.
Онъ подобенъ мирту нѣжному:
Тонокъ, прямъ и величавъ собой".

Встрѣчая въ шатрѣ спящую красавицу, нѣжный рыцарь тотчасъ влюбляется въ нее и, боясь нарушить ея сонъ,

„Рыцарь нашъ сидитъ какъ вкопаный,
Забываетъ пищу, нужный сонъ.
Всякій часъ, минуту каждую
Онъ находитъ нѣчто новое
Въ милыхъ прелестяхъ красавицы,
И—недѣли цѣлой нѣтъ въ году!".

Неизвѣстно, почему Карамзинъ не окончилъ своей понравившейся современникамъ „богатырской сказки" въ народномъ духѣ, какимъ онъ допускался въ то время въ изящную словесность, но по началу видно, что его сказка вышла бы произведеніемъ во вкусѣ „русскихъ сказокъ" Чулкова, лишь съ бо́льшей примѣсью нѣжной чувствительности, которую такъ высоко ставилъ сентиментальный авторъ и въ герояхъ русской древности въ своей Исторіи, и въ народныхъ сказочныхъ богатыряхъ. Не выше были представленія о „народности" и попытки къ ея воспроизведенію у ближайшихъ учителей юнаго Пушкина—Жуковскаго и Батюшкова. Воспитанный среди впечатлѣній деревенской жизни и затѣмъ проживший немало лѣтъ своей молодости въ усадьбѣ, Жуковскій, подъ вліяніемъ карамзинской сентиментальности и затѣмъ нѣмецкаго романтизма, оказался мало воспріимчивымъ къ русской народно-поэтической струѣ въ пѣсняхъ и сказкахъ и не пошелъ въ пониманіи ея и воспроизведеніи далѣе Чулкова и Карамзина. Онъ не затрудняется выводить гальскихъ бардовъ, поющихъ надъ гробомъ славянъ побѣдителей, придавать Громобоямъ и Вадимамъ колоритъ оссіановской древности и западнаго средневѣковаго рыцарства и положить въ основу содержанія своей *русской* баллады (Вадимъ) посредственный нѣмецкій фантастическій романъ. Стремленіе къ народности замѣтнѣе въ Жуковскомъ позднѣе, въ 30-хъ годахъ, когда онъ, соревнуя съ Пушкинымъ, воспроизводитъ въ стихахъ сообщенныя ему послѣднимъ народныя сказки о царѣ Берендеѣ и о спящей царевнѣ. Но и эти сказки, восхищавшія

Надеждина, едва ли удовлетворятъ насъ теперь своимъ quasi народнымъ колоритомъ. Въ первой изъ нихъ едва ли удачно выбранъ и размѣръ (гекзаметръ) для передачи разсказа въ народномъ стилѣ. „*Министръ*“ у Берендея, *дворецъ изъ карбункула* у Кощея безсмертнаго съ „*регулярнымъ*“ садомъ, „*добрый*“ ракъ и тому подобныя детали—все это слишкомъ сомнительная народность, не говоря уже о языкѣ, въ которомъ нерѣдко встрѣчаются отвлеченныя литературныя выраженія. Мы не можемъ уже вмѣстѣ съ Надеждинымъ видѣть въ „сказкѣ о спящей царевнѣ“ Жуковскаго „блистательнѣйшій разсвѣтъ русской народности въ поэзіи“ [1]).

Стремился къ народности и Батюшковъ, котораго вліяніе на Пушкина не ограничивалось одною стихотворной техникой, но проявлялось въ лицейскую пору Пушкина и въ выборѣ предметовъ для поэтическаго творчества. „По всей вѣроятности, предполагаетъ Л. Н. Майковъ, еще при первомъ свиданіи въ 1815 году они обмѣнялись мыслями о возможности поэмы на мотивы изъ русскаго сказочнаго міра: по крайней мѣрѣ Пушкинъ, вспоминая объ этой встрѣчѣ годъ спустя, въ письмѣ къ кн. Вяземскому, утверждалъ, что Батюшковъ тогда, завоевалъ у него Бову королевича“ [2]). Тотъ же изслѣдователь склоненъ думать, что мысль о „Русланѣ и Людмилѣ“ зародилась у Пушкина подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ съ Батюшковымъ[3]). Но рано погибшій для русской литературы поэтъ не осуществилъ своихъ поэтическихъ замысловъ, не оставилъ „русской“ поэмы, да едва ли его изящная лира, слишкомъ часто издававшая звуки подновленнаго эллинизма, была способна къ исполненію задуманной поэмы въ дѣйствительно народномъ духѣ.

Другой старшій современникъ Пушкина Катенинъ, котораго литературное образованіе и вкусъ такъ высоко всегда цѣнилъ поэтъ, также обращался въ своихъ лирическихъ и эпическихъ произведеніяхъ къ русскойжизни и старинѣ (Старая быль, Пѣвецъ Усладъ, Мстиславъ Мстиславичъ) и изображенію послѣдней посвятилъ цѣлую большую поэму (сказка „Милуша, въ 1834 г.).

---

[1]) Пыпинъ. Исторія русс. этнографіи I, стр. 240.

[2]) Майковъ—Историко-литературные очерки стр. 193.

[3]) Тамъ же стр. 194

Но и его творенія въ русскомъ духѣ, при всемъ стремленіи автора къ нему, блещутъ полнымъ отсутствіемъ народности [1]). Насколько подслащена народность сентиментальной приторностью въ русскихъ пѣсняхъ и романсахъ Нелединскаго-Мелецкаго, Дмитріева, Мерзлякова и Дельвига, слишкомъ извѣстно.

Понятно, каковы должны были быть первые шаги Пушкина въ его лицейскіе годы, когда онъ пѣлъ еще не своимъ голосомъ и, слѣдуя своимъ образцамъ и духу времени, обращался къ эпическимъ опытамъ въ *народномъ* стилѣ. Зная народную (точнѣе обнародившуюся) сказку о Бовѣ съ дѣтства и подражая Радищеву, 16-лѣтній поэтъ задумываетъ обработать ее въ видѣ поэмы. Музой, вдохновившей его, былъ никто иной, какъ Вольтеръ. Юный авторъ говоритъ во вступленіи:

Отыскалъ я книжку славную,
Золотую незабвенную,
Прочиталъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Въ рукописной тетрадкѣ Пушкина (въ Румянцовскомъ музеѣ), просмотрѣнной проф. Незеленовымъ, слѣдуетъ поясненіе „незабвенной“ книжки, отысканной авторомъ:

Катехизисъ остроумія,
Словомъ — „Жанну Орлеанскую“...

и далѣе шутливое обращеніе къ Вольтеру, кончающееся стихами:

Будь теперь моею музою!
Пѣть я тоже вознамѣрился,
Но сравняюсь ли съ Радищевымъ? [2]).

Итакъ юношѣ поэту въ то время еще нравилась циническая сказка Радищева „Бова“, написанная, по собственному указанію автора, въ подражаніе Вольтеру. Впослѣдствіи, въ 30-хъ годахъ, не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ „Бовы“ Радищева, Пушкинъ сознается, что въ немъ „нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода“ [3]). Конечно не могло быть и тѣни народности въ начатой сказкѣ юнаго Пушкина, съ ея французской игривостью, неудачно борющейся съ quasi русскимъ народ-

[1]) См. Е. Пѣтуховъ—Біографія Катенина. Истор. Вѣстн. 1888 кн. 9, стр. 573.
[2]) См. Незеленова—Шесть статей о Пушкинѣ 1892, стр. 71.
[3]) Въ статьѣ объ А. Радищевѣ, изд. Морозова V, стр. 355.

нымъ стихомъ, перенятымъ авторомъ у Карамзина. Можетъ быть, художественный инстинктъ, быстро развившійся у поэта уже въ его лицейскіе годы, удержалъ его отъ продолженія сказки въ этомъ же фальшивомъ тонѣ, и онъ переуступилъ этотъ облюбованный имъ для поэмы сюжетъ Батюшкову.

Разыскивая источники, вдохновившіе Руслана и Людмилу, это первое крупное произведеніе Пушкина съ задатками самостоятельнаго творчества, указывали на реминисценціи изъ Аріоста, на Вадима Жуковскаго, на вліяніе нѣкоторыхъ персонажей и обстановки чудесныхъ сказокъ Гамильтона, на эпизодъ съ головой, почерпнутый авторомъ изъ лубочной сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, давшей и имя герою поэмы, наконецъ, на „Богатырскія повѣсти въ стихахъ *Николая* Радищева (Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ, вышедшія въ Москвѣ въ 1801 г. [1]). Каковы бы ни были русскіе источники Пушкина, когда юный авторъ переносился воображеніемъ въ

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой,

онъ не сумѣлъ выдержать колорита народности русской сказочной старины. Старый князь Владиміръ, хотя называется „красное солнышко“, нисколько не похожъ на свой прочно установленный молодецкій обликъ въ народныхъ былинахъ, которыя изображаютъ, какъ „онъ въ свѣтлой гридницѣ похаживаетъ, желтыми кудрями потряхиваетъ“. Руслань мало напоминаетъ сказочнаго Еруслана Лазаревича и еще менѣе нашихъ былинныхъ богатырей. Внесеніе Баяна сладостнаго пѣвца, славящаго на свадебномъ пиру

Людмилу-прелесть Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ,

обнаруживаетъ въ авторѣ то же отношеніе къ русской старинѣ, которое находимъ у поэтовъ предшествующаго поколѣнія. Народно-русское, кромѣ нѣкоторыхъ сказочныхъ мотивовъ, представлено только нѣкоторыми историческими или эпическими именами, и мнѣніе проф. Владимірова, что Пушкинъ при созданіи Руслана и Людмилы между прочимъ воспользовался и Киршей Даниловымъ—

---

[1]) См. статью проф. П. Владимірова—Происхожденіе „Руслана и Людмилы“ А. С. Пушкина. (Чит. въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца въ 1895 г.).

его сборникомъ народныхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ [1]), представляется мнѣ мало вѣроятнымъ.

Трудно допустить, чтобы знакомство съ подлиннымъ народнымъ эпосомъ, съ эпическими богатырями, пирующими въ гридницѣ Владиміра, съ народными пріемами повѣствованія, съ эпическимъ былиннымъ языкомъ, не отразилось ярче на воспріимчивой фантазіи поэта, если мы вспомнимъ, какъ быстро онъ воспринималъ и какъ мастерски воспроизводилъ народную струю, когда съ нею впослѣдствіи ближе познакомился. Намъ кажется, что, зная былинныхъ богатырей, поэтъ не взялъ бы имя Рогдая, богатыря вовсе неизвѣстнаго былинамъ, а упоминаемаго въ позднихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ (напр. въ Никоновскомъ сводѣ) въ числѣ богатырей, жившихъ при князѣ Владимірѣ. Не зачѣмъ было бы поэту создавать фантастическаго „страстнаго“ хазарскаго хана Ратмира (носящаго притомъ славянское имя), еслибъ онъ былъ знакомъ съ нашими увлекающимися „женской прелестью“ богатырями, вродѣ Алеши Поповича или кіевскаго щапа (франта) Чурилы Пленковича [2]). Впрочемъ, быстро шедшій впередъ поэтъ, впослѣдствіи, какъ извѣстно, самъ сознавалъ слабость своей первой поэмы и, вѣроятно, невыдержанность въ ней народнаго элемента. Въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ“ онъ называетъ „весьма дѣльными“ вопросы (Д. П. Зыкова), явившіеся въ печати въ 1820 г.

---

1) Названная статья, стр. 8 отд. оттиска.

2) Впослѣдствіи Кирша Даниловъ былъ хорошо извѣстенъ Пушкину. См. приводимый имъ изъ Древ. русс. стихотвореній стихъ „онъ шипъ пустилъ по змѣиному, въ „Критическихъ замѣткахъ“ (изд. Морозова, V, стр. 128). Другое указаніе на существованіе Кирши Данилова въ библіотекѣ Пушкина даетъ кн. Пав. Петр. Вяземскій. Описывая квартиру Пушкина въ день его свадьбы 18 февраля 1831 г., Вяземскій говоритъ, что „нашелъ на одной изъ полочекъ, устроенныхъ по обоимъ бокамъ дивана (въ кабинетѣ), никогда мною не виданное и не слыханное собраніе стихотвореній Кирши Данилова“... (которое было у Пушкина очевидно настольной книгой). „Съ жадностью, продолжаетъ Вяземскій, слушалъ я высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о прелести и значеніи богатырскихъ сказокъ и звучности народнаго русскаго стиха. Тутъ же я услыхалъ, что Пушкинъ обратилъ свое вниманіе на народное сокровище, коего только часть сохранилась въ сборникѣ Кирши Данилова, что имѣется много чудныхъ поэтическихъ пѣсенъ, доселѣ неизданныхъ, и что дѣло это находится въ надежныхъ рукахъ Кирѣевскаго“. (См. А. С. Пушкинъ. 1826—1837, по документамъ Остафьевскаго Архива и личнымъ воспоминаніямъ. Спб. 1880, стр. 42).

(въ „Сынѣ Отечества“, ч. 64) по поводу его поэмы, и въ предисловіи ко 2-му изданію ея въ 1828 г. самъ приводитъ безъ возраженія нѣкоторые изъ нихъ. А между ними есть одинъ прямо указывающій на отсутствіе народнаго въ способѣ выраженія Руслана, когда онъ говоритъ:

„О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
. . . . . .
Зачѣмъ же поле смолкло ты
И поросло *травой забвенья*?..
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! и проч.

„Такъ ли, спрашиваетъ критикъ, говорили русскіе богатыри? [1])

Если вообще юный поэтъ, отыскивавшій себѣ безъ руководителя ощупью путь къ народности въ своемъ первомъ опытѣ нуждается въ снисхожденіи, то нельзя не напомнить, что нѣкоторымъ упорнымъ критикамъ его времени народность даже въ такомъ невинно-шутливомъ видѣ, въ какомъ рисуется въ поэмѣ Пушкина, казалась просто предосудительной. Критикъ „Невскаго Зрителя“ возмущается тѣмъ, что авторъ обратился къ Еруслану Лазаревичу“, низвелъ „языкъ боговъ“ (т. е. поэзіи) до описанія грубаго, простонароднаго волшебства, а помѣщеніе кн. Владиміра въ поэмѣ даже счелъ оскорбленіемъ религіознаго чувства. Еще болѣе возмущенъ поэмой критикъ „Вѣстника Европы“ тѣмъ, что „въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали Еруслановы и Бовы на новый манеръ“ и что между нами снова появились „плоскія шутки старины“. Очевидно, юный поэтъ, внесшій въ свое первое крупное произведеніе отголоски русской сказочной старины, насколько онъ понималъ въ то время ея характеръ, немногому могъ поучиться ни отъ своихъ панегиристовъ, ни отъ своихъ хулителей. Но, не говоря уже о художественномъ достоинствѣ поэмы, для своего времени, она въ исторіи нашей поэзіи никогда не потеряетъ значенія, какъ первый опытъ поэтической разработки мотивовъ изъ русскаго сказочнаго міра юнымъ авторомъ, еще мало съ этимъ знакомымъ, но рискнувшимъ, наперекоръ упорности современ-

[1]) Изд. Морозова, V, стр. 198.

никовъ, воспользоваться (horribile dictu) между прочимъ деталями лубочной сказки и внести въ языкъ поэмы не мало бойкихъ чисто народныхъ выраженій.

Но вотъ Пушкинъ на югѣ, среди впечатлѣній новой природы, новыхъ народностей и—съ Байрономъ въ рукахъ. Байроническіе герои и героини, плѣнившіе его юношеское воображеніе, облекаются въ костюмы черкесовъ, татаръ, цыгановъ, дѣйствуя и разсуждая среди обстановки, которую поэтъ-этнографъ рисуетъ намъ не только дивными стихами, но иногда и близко къ дѣйствительности. Байронически настроенный поэтъ еще не чуждъ поэтической идеализаціи быта черкесовъ, крымскихъ татаръ и бессарабскихъ цыгановъ, но въ его эскизахъ чувствуется уже рука будущаго великаго мастера. Въ народныхъ пѣсняхъ (черкесской, татарской), внесенныхъ поэтомъ изъ подражанія Байрону, для приданія мѣстнаго колорита (couleur locale), поэтъ удачно умѣетъ сгруппировать типичныя черты народности, соотвѣтствующія и настроенію поющихъ эти пѣсни лицъ. Напомнимъ, что знаменитая пѣсня Земфиры (въ Цыганахъ) представляетъ не переводъ, а удачное подражаніе народной румынской пѣснѣ (Ардемэ, фриджемъ), сохраняющее ея національный колоритъ и тонъ [1]).

Но, повидимому, Пушкина и на югѣ среди пестраго калейдоскопа разныхъ народностей не покидаетъ мысль создать поэму изъ русской народной жизни, изъ быта русскихъ разбойниковъ. Въ бумагахъ поэта сохранился набросанный имъ краткій планъ будущей поэмы. Поэма была начата, но авторъ сжегъ ее, и лишь отрывокъ „Братья-разбойники“, сохраненый Н. Н. Раевскимъ, впослѣдствіи появился въ печати. „Какъ сюжетъ c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ“;—такъ высказывался самъ авторъ (въ 23 году, въ интимномъ письмѣ къ Вяземскому) о своей поэмѣ, но слогомъ ея онъ былъ (въ то время) доволенъ: „какъ слогъ—я ничего лучшаго не написалъ“, замѣчаетъ онъ въ томъ же письмѣ. Подъ обаяніемъ дивныхъ строфъ Шильонскаго узника, запечатлѣвшагося въ его воображеніи, поэтъ еще не замѣчалъ мелодраматическихъ позъ своего разбойника, не чувствовалъ

---

[1]) См. Замѣтку А. Яцымирскаго—Пѣсня Земфиры въ „Цыганахъ“ А. Пушкина и цыганская хора. „Извѣстія Отд. р. яз. и словесн. И. Акад. Н.“ 1899, кн. I, стр. 301—304.

аффектаціи въ его бурномъ монологѣ и разлада въ выраженіяхъ его мыслей, которыя то отзываются народнымъ складомъ, то стилемъ Байрона. Конечно, впослѣдствіи, даже въ концѣ того же десятилѣтія, Пушкинъ не повторилъ бы своего мнѣнія о слогѣ „Братьевъ-разбойниковъ“, котораго невыдержанность онъ не могъ не чувствовать послѣ „Евгенія Онѣгина“ и „Бориса Годунова“. Пора полнаго расцвѣта таланта, пора его поворота на путь самостоятельнаго творчества въ національномъ духѣ наступила для Пушкина не въ разноплеменныхъ южныхъ городахъ—Кишиневѣ и Одессѣ,—а въ въ русской сѣверной деревенской глуши—въ Михайловскомъ, гдѣ онъ „провелъ отшельникомъ два года незамѣтныхъ“.

Великорусская деревня, съ ея родными мирными картинами природы и знакомыми типами населенія, должна была захватить впечатлительнаго поэта съ тѣмъ большею силою, что онъ уединился въ ней послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бурной жизни на югѣ, среди картинъ совершенно другого характера. Тревожный духъ его, подогрѣваемый личными столкновеніями, нерѣдко шероховатыми, успокаивается, поэтъ можетъ работать не урывками, какъ въ Кишиневѣ и Одессѣ, а усидчиво, не развлекаемый неразборчивымъ кружкомъ пріятелей, который всюду преслѣдовалъ его, благодаря его популярности и общительности. Претворяя въ художественные образы испытываемыя впечатлѣнія, онъ долженъ былъ, создавая первыя 2 главы „Евгенія Онѣгина“ еще на югѣ, переноситься въ своемъ воображеніи въ жизнь столичную и деревенскую и воскрешать раньше испытанное. Теперь, въ Михайловскомъ, онъ окруженъ тою же средою, въ которой выводитъ своихъ героевъ, переживаетъ впечатлѣнія Онѣгина въ деревнѣ, наблюдаетъ Ларинныхъ, какъ бы въ ихъ усадьбѣ. Отсюда яркость и сочность красокъ и художественная твердость рисунка въ „михайловскихъ“ главахъ романа; отсюда вдохновенное проникновеніе въ духовную жизнь Татьяны, которая, при всей художественной прозорливости поэта, могла быть понята имъ только въ связи съ непосредственными наблюденіями всего склада помѣщичьей жизни. Міровоззрѣніе Татьяны, сложившееся изъ дѣтскихъ впечатлѣній, „преданій простонародной старины“ и сентиментальныхъ романовъ, такъ ярко выразившееся и въ ея романтическомъ дѣвичьемъ письмѣ, и въ ея снѣ, полномъ русской сказочной фантастики, ея няня, напоминающая

Арину Родіоновну, эскизы помѣщичьихъ типовъ, картины русской зимы и святокъ, съ ихъ пѣснями и гаданіями, — всѣ эти перлы поэзіи Пушкина и русской поэзіи вообще создались въ деревнѣ, какъ продуктъ спокойнаго, вдумчиваго труда великаго мастера, вполнѣ освободившагося отъ посторонпихъ вліяній, сознавшаго свойства своего дарованія и намѣтившаго ему цѣль въ художественномъ творчествѣ. Интересно наблюдать, какъ быстро и удачно утилизируетъ поэтъ свои „михайловскіе“ народные матеріалы въ произведеніяхъ этого періода, обогащая свой языкъ народными словами и картины быта — сказками и пѣснями. Приведемъ два-три примѣра. Такъ, уже въ концѣ 3-й главы (начатой на югѣ и оконченной въ Михайловскомъ 2-го октября 24 г.), появляется пѣсня дѣвушекъ („Дѣвицы красавицы, Душеньки подруженьки“), сочиненная, по вполнѣ народная по духу, очевидно, навѣянная складомъ пѣсней, подслушанныхъ поэтомъ у народа. Въ главѣ 5-й, при описаніи гаданья Татьяны, Пушкинъ удачно припоминаетъ подблюдныя пѣсни:

Тамъ мужички-то все богаты,
Гребутъ лопатой серебро
Кому поемъ, тому добро
И слава [1]). Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ:
Милѣй кошурка сердцу дѣвъ [2]).

Въ той же главѣ художественной реминисценціей русскихъ сказокъ является во снѣ Татьяны услужливый медвѣдь, уносящій Татьяну въ лѣсную избушку и заговорившій съ ней человѣчьимъ голосомъ:

Здѣсь мой кумъ:
Погрѣйся у него немножко.

---

[1]) Въ варіантѣ, напечатанномъ у Сахарова, пѣсня читается такъ:

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою, Слава!
Живутъ мужики богатые, Слава!
Гребутъ золото лопатами, Слава!
Чисто серебро лукошками, Слава!

[2]) Намекъ на пѣсню:

Зоветъ котъ кошурку
Въ печурку спать.

Всякій, нѣсколько знакомый съ взглядами крестьянъ на медвѣдя, съ повѣрьями о немъ и съ его ролью въ сказкахъ, невольно почувствуетъ, откуда появился медвѣдь въ воображеніи Пушкина и затѣмъ во снѣ Татьяны, заснувшей съ зеркаломъ подъ подушкой, послѣ святочныхъ гаданій, настроившихъ ея воображенье въ духѣ народныхъ повѣрій. Съ какимъ напряженнымъ интересомъ прислушивался Пушкинъ къ народному говору, видно изъ средствъ, которыя онъ употреблялъ, чтобы сблизиться съ народомъ. Во время пребыванія въ Псковѣ онъ ходилъ по базарамъ, переодѣтый въ мѣщанскій костюмъ. По свидѣтельству двороваго человѣка, жившаго при Пушкинѣ въ Михайловскомъ, онъ любилъ посѣщать сельскія ярмарки, собирать къ себѣ пищихъ слѣпцовъ, запросто бесѣдовать съ простонародьемъ и слушать пѣсни [1]). Это „хожденіе въ народъ“ не было простымъ поэтическимъ капризомъ, а вызываемо было вполнѣ сознанною потребностью изучить его бытъ, складъ понятій и способъ выраженій. Вспомнимъ, что въ то же время Пушкинъ записываетъ пѣсни и сказки, изучаетъ русскую исторію, читаетъ лѣтописи, чтобы угадать характеръ и языкъ выводимыхъ имъ въ драмѣ историческихъ лицъ. Отголоски національной старины въ настоящемъ, сохранившіеся еще въ деревенской обрядности въ пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ, языкѣ, манили его въ прошедшее и служили для пониманія послѣдняго какъ бы комментаріемъ и иллюстраціей. Такъ, уснащенныя народнымъ юморомъ прибаутки, пестрившія языкъ одного духовнаго лица, знакомаго Пушкину въ это время, подали поэту мысль охарактеризовать „прибауточнымъ“ говоромъ бродягу-черпеца Варлаама въ извѣстной сценѣ „Корчма на Литовской границѣ“.

Сказки, записанныя въ Михайловскомъ отъ Арины Родіоновны, были разработаны поэтомъ лишь впослѣдствіи, но одна изъ нихъ „О купеческой дочери и разбойникахъ“ уже теперь была художественно воспроизведена имъ въ первой вполнѣ русской балладѣ

---

[1]) См. въ „Русской старинѣ“—разсказъ К. А. Тимофеева о поѣздкѣ въ Михайловское въ 1859 г.—май 1899 г., стр. 272. По свидѣтельству крестьянина деревни Гайки (близъ Михайловскаго) Аѳанасія Васильева, Пушкинъ записывалъ духовные стихи: „Въ девятую пятницу поютъ старцы, а онъ сидитъ и пишетъ ихъ стихи“. См. С.-Петер. Вѣдомости 1899, № 130 (15 мая). Замѣтка: „Воспоминаніе крестьянина о Пушкинѣ“.

„Женихъ“. Наброски „Жениха“ находятся среди черновыхъ набросковъ IV главы „Онѣгина“ и „Цыганъ“, почему должны быть отнесены къ концу 24 и началу 25 года, слѣдовательно уже къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія Пушкина въ деревнѣ. Задумавъ обработать въ балладу этотъ благодарный сюжетъ, поэтъ еще не прибѣгаетъ къ самой формѣ народнаго стиха и останавливается на 8-строчной строфѣ съ риѳмами, освященной „балладникомъ“ Жуковскимъ. Но выборъ стихотворнаго размѣра нисколько не повредилъ народности, проявившейся въ яркой обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, въ силѣ и въ мѣткости языка, пересыпаннаго поговорками, въ типичности свахи и въ діалогической формѣ изложенія наиболѣе драматическихъ мѣстъ. Намъ лично непонятны сомнѣнія, высказанныя г. Ефремовымъ въ народности „Жениха“ и строгая оцѣнка баллады проф. А. И. Незеленовымъ, называющимъ ее „вещью положительно неудачной“. Изъ разсмотрѣнія болѣе 20 варьянтовъ того же сюжета въ сказкахъ русскихъ и многихъ другихъ народовъ проф. Сумцовъ, посвятившій „Женихѣ“ небольшую статью, приходитъ къ выводу, что Пушкинъ передалъ всѣ главные мотивы сказки въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они идутъ въ большинствѣ варіантовъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Женихѣ“ ясно обнаруживаются собственно пушкинскіе элементы—въ яркости языка, въ бойкой игрѣ словъ, въ обрисовкѣ свахи и сватовства, въ отраженіи патріархальныхъ семейныхъ началъ русской жизни и русской природы, въ характерныхъ остаткахъ русской бытовой старины [1]). Замѣтимъ въ заключеніе, что комбинація „народныхъ“ матеріаловъ здѣсь, какъ и въ другихъ воспроизведеніяхъ поэтомъ народныхъ сюжетовъ, навсегда останется для насъ тайной, какъ работа творческой мысли генія, но самыя матеріалы—сюжетъ, языкъ—были почерпнуты художникомъ въ самомъ народѣ, который онъ изучалъ съ любовью и вниманіемъ этнографа.

Еще болѣе яркимъ примѣромъ удивительнаго процесса полнаго усвоенія народнаго духа и склада являются два отрывка—подражанія народнымъ стихамъ, сохранившіеся въ рукописяхъ Пушкина—начало сказки о медвѣдицѣ и нѣсколько стиховъ о вылетѣ первой весенней пчелки. Это только эскизы, пробы пера.

---

[1]) Этюды о Пушкинѣ, вып. V, стр. 15.

Намъ неизвѣстно, какъ повелъ бы Пушкинъ дальше свою сказку о медвѣдицѣ, почему онъ не возвращался болѣе къ этому виртуозному началу, набросанному, повидимому, не въ Михайловскомъ (какъ предполагалъ Анненковъ), а позже въ 1830 году. Но тѣмъ сильнѣе заинтересовываетъ насъ облекающая отрывокъ тайна. Передъ нами какъ будто запись подлинной народной пѣсни, но, всматриваясь къ нее пристальнѣе, мы замѣчаемъ, что это—попытка къ художественному воспроизведенію, руководимая замысломъ сохранить весь колоритъ народности, незлобивый юморъ, мѣткія характеристики, типическій стихъ, попытка, дающая, какъ справедливо выразился Анненковъ [1]), „впечатлѣніе деревенской пѣсни, пропѣтой великимъ мастеромъ“. Можно было бы посвятить цѣлый небольшой этюдъ разбору сказки о медвѣдицѣ съ этнографической точки зрѣнія. Въ ней, на нашъ взглядъ, мы находимъ самое высшее у Пушкина проявленіе его близкаго знакомства съ духомъ русской народной поэзіи и умѣнья художественно воспроизводить ея мотивы. Но ограничимся двумя-тремя замѣчаніями. Сказка задумана изъ русскаго животнаго міра и начинаетъ разсказъ о событіи, случившемся въ лѣсномъ царствѣ—въ семьѣ медвѣдя-боярина. Уже выборъ героемъ разсказа этого любимаго персонажа народныхъ сказокъ о животныхъ весьма характеренъ. Нашъ бурый Мишка всегда пользовался народной симпатіей и своими свойствами—неуклюжестью, лакомствомъ, человѣкоподобными позами—служилъ мишенью народному юмору. Вспомнимъ, какъ въ сказкахъ Мишка дружитъ съ мужикомъ и поддается обману, какъ пытается плакать по старухѣ, напивается пьянъ, приживаетъ съ женщиной сына, пугается кота въ лѣсу и проч. и проч. Понятно, что такая фигура могла дать обильный матеріалъ и поэту для шутливой характеристики. Но медвѣдь бояринъ въ лѣсу, его семейное горе—смерть сударушки медвѣдихи—вызываетъ сочувствіе и другихъ звѣрей, собирающихся къ нему по этому печальному поводу. Здѣсь удобный моментъ для Пушкина набросать краткія въ народномъ духѣ характеристики звѣрей иногда двумя-тремя типичными эпитетами. Знакомый съ народными пѣснями и сказками Пушкинъ зналъ, что животный міръ, извѣстный русскому крестьянину, и звѣри, и птицы, и рыбы, и даже насѣкомыя,—

[1]) Матеріалы изд. 1873 г., стр. 145.

дастъ обильную пищу его наблюдательности, вызываетъ въ его воображеніи сравненіе съ міромъ людей и возбуждаетъ тотъ благодушный юморъ, въ которомъ чувствуется симпатія ко всему живому. Онъ могъ знать извѣстную нынѣ во многихъ записяхъ старинку о птицахъ и звѣряхъ, содержащую характеристику болѣе 30 представителей животнаго царства, въ которомъ крестьянинъ находилъ все знакомыя ему лица: боярина (лебедь), стряпчаго (ястребъ), ябедника (вытлюгъ), пономаря (журавль), кожемяку (медвѣдь), овчинника (волкъ), красну дѣвушку (ластушку) и проч.[1]) Мы не можемъ болѣе точно указать простонародный матеріалъ, которымъ воспользовался Пушкинъ: по всей вѣроятности, это не была одна опредѣленная пѣсня. Въ сказкѣ о медвѣдицѣ мы видимъ скорѣе такое же художественное собраніе въ одинъ фокусъ народныхъ красокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ въ его знаменитомъ (написанномъ въ 28 году) прологѣ къ Руслану и Людмилѣ, этомъ дивномъ калейдоскопѣ русскихъ сказочныхъ мотивовъ.

Подъ вліяніемъ слушанья и записыванья народныхъ пѣсенъ, которыми Пушкинъ увлекался въ Михайловскомъ, разнообразные художественные образы, возникающіе по временамъ въ его воображеніи, какъ бы невольно принимаютъ очертанія въ народномъ духѣ и отливаются въ стихи народнаго склада. Это можно наблюдать въ нѣкоторыхъ черновыхъ наброскахъ 25-го года. Таковъ мелькнувшій передъ нимъ образъ пляшущей цыганочки, можетъ быть, запечатлѣвшійся въ его памяти еще въ Кишиневѣ. Появившись въ русской деревнѣ, эта сценка дала пѣсенку (къ сожалѣнію неоконченную), живо напоминающую по складу народныя плясовыя пѣсни съ обычнымъ припѣвомъ.

Колокольчики звенятъ,
Барабанчики гремятъ,
А люди-то, люди—
Ай люшеньки-люли!
А люди-то люди
На цыганочку глядятъ;
А цыганочка-то пляшетъ,

---

[1]) См. эту старинку у Гильфердинга №№ 62, 130, 137, 264, 280, 298; у Рыбникова I, 87, II 59, III 57—60, 61; у Шейна—Великоруссъ I, стр. 285.

Въ барабанчики-то бьетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается—поетъ:
„Я пѣвунья, я пѣвица,
Ворожить я мастерица.

Переносясь мыслью къ своему африканскому предку Абраму Ганнибалу, быть можетъ, обдумывая нѣкоторыя детали своей будущей повѣсти (Арапъ Петра Великаго, написанной двумя годами позже), Пушкинъ въ черновомъ наброскѣ 25 года изображаетъ сцену выбора арапомъ себѣ невѣсты изъ русскихъ боярышень складомъ народной пѣсни, начиная ее такъ, какъ начинаются сотни нашихъ пѣсенъ—параллелью изъ міра животныхъ:

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку,—
Какъ жениться задумалъ царскій арапъ.
Межъ боярынь арапъ похаживаетъ,
На боярышень арапъ поглядываетъ.
Что выбралъ арапъ себѣ сударушку,
Черный воронъ—бѣлую лебедушку,
А какъ онъ, арапъ, чернешенекъ,
А она-то, душа, бѣлешенька...

Такимъ образомъ двухлѣтнее пребываніе въ Михайловскомъ, въ постоянномъ тѣсномъ общеніи съ народомъ, съ произведеніями его безыскуственнаго творчества, съ его языкомъ, въ связи съ серьознымъ историческимъ чтеніемъ, было самымъ плодотворнымъ періодомъ жизни поэта, было его послѣдней, высшей школой, которая выпустила его великимъ національнымъ художникомъ слова. Великое значеніе Пушкина вполнѣ уяснено. Ограничивая свою задачу только одною стороною художественнаго творчества поэта, тою, въ которой выразились его этнографическія симпатіи, я могу остановиться только на его воспроизведеніи русскихъ сказокъ, да и здѣсь мнѣ приходится довольствоваться лишь нѣсколькими словами, такъ какъ пришлось бы повторять слишкомъ извѣстное. Не стану говорить о ихъ народности, такъ какъ глубокое проникновеніе въ народный духъ, почерпнутое въ Михайловскомъ, не могло покинуть поэта при художественной обработкѣ имъ михайловскихъ записей, которою онъ занялся въ 1831 г. въ Царскомъ селѣ. Укажу только на виртуозность стихотворнаго склада этихъ

сказокъ. Какъ великій мастеръ стиха Пушкинъ не довольствуется однимъ разъ выбраннымъ размѣромъ: онъ играетъ на разные лады. Для сказки о Царѣ Салтанѣ [1]) онъ облюбовалъ совершенно оригинальный размѣръ, которымъ раньше ничего не писалъ (хорей съ парными риомами, попеременно мужскими и женскими), причемъ намъ, затверживавшимъ сказку въ дѣтствѣ, трудно себѣ представить размѣръ, ближе соотвѣтствующій отрывистому слогу народныхъ сказокъ [2]). Какъ извѣстно, тѣмъ же размѣромъ впослѣдствіи написалъ Ершовъ своего „Конька-Горбунка“. Въ сказкѣ о попѣ и его работникѣ Балдѣ Пушкинъ удачно подражаетъ той рубленой, но снабженной риомами прозѣ, которую мы читаемъ на лубочныхъ картинкахъ. Это—пережившія въ народѣ силлабическія вирши XVII-го и начала XVIII-го вѣка, которыя до сихъ поръ еще слагаютъ „раёшники“ [3]). Наконецъ въ знаменитой сказкѣ „О рыбакѣ и рыбкѣ“ поэтъ отказывается отъ риемы и ведетъ разсказъ южно-славянскимъ стихомъ, который находимъ въ сербскихъ пѣсняхъ сборника Караджича и который вполнѣ соотвѣтствуетъ спокойному эпическому ходу повѣствованія.

Интересъ къ народной поэзіи не ограничивается у Пушкина русскимъ народомъ. Напомнимъ его „подражанія Корану“, въ которыхъ онъ мастерски передалъ своеобразный характеръ *суръ* Магомета, извѣстныхъ ему въ французскомъ переводѣ. Напомнимъ его интересъ къ сербскимъ народнымъ пѣснямъ, переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ („Соловей“, „Сестра и братья“, „Жалостная пѣсня о женѣ Ассана-Аги“) и подражанія. Нельзя въ заключеніе не упомянуть и второй навѣянной Кавказомъ, но неоконченной, поэмы его „Галубъ“, начатой поэтомъ подъ впечатлѣніемъ его

---

1) Такъ же, какъ позже въ 1833 г. для сказокъ О золотомъ пѣтушкѣ и О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ.

2) Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говоритъ одна дѣвица
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.

3) Жилъ былъ попъ
Толконный лобъ.
Пошелъ попъ по базару
Посмотрѣть кой-какого товару...

поѣздки въ Арзерумъ (1829 года). Начальная сцена ея—похороны сына Галуба—представляетъ точное во всѣхъ деталяхъ воспроизведеніе похоронной обрядности, которую наблюдательный путешественникъ имѣлъ случай видѣть въ одномъ изъ осетинскихъ ауловъ близъ Владикавказа. Дивный стихъ поэта уловляетъ здѣсь всѣ подробности, которыя путешественникъ самъ сообщилъ прозою въ своемъ дневникѣ. Семьдесятъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ этого времени: въ Большой Кабардѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе „Галуба“, многое измѣнилось въ бытѣ черкесовъ и въ нравахъ. Почти замолкли, какъ мы убѣдились лично, преданія объ аулѣ Татартубѣ, старинномъ средоточіи Кабарды, котораго слѣды видѣлъ Пушкинъ. Недоступенъ болѣе и знаменитый Минаретъ, посѣщенный поэтомъ. Нельзя у черкесовъ уже встрѣтить, на ряду съ ружьями, броней, луковъ и стрѣлъ, которыя еще видѣлъ Пушкинъ. И тѣмъ большій этнографическій интересъ представляютъ для насъ его записки и вторая кавказкая поэма.

Подведемъ теперь итоги нашей бесѣдѣ:

Пушкинъ „Протей“ поражалъ современниковъ не только геніальной силой своего дарованія, но изумительнымъ разнообразіемъ своего творчества. Протекло болѣе шестидесятилѣтія со дня его смерти, Россія не оскудѣвала литературными талантами. Одинъ изъ нихъ, нашъ великій современникъ, сталъ, какъ въ свое время Байронъ, „властителемъ думъ“ образованнаго міра. Но и теперь, перечитывая Пушкина, мы продолжаемъ, какъ современники его, удивляться его разносторонности. Изъ многихъ сторонъ этого необычайнаго дарованія, я хотѣлъ выдвинуть только его, если можно такъ выразиться, „этнографическое“ чутье, его глубокое пониманіе характера русской народности, насколько онъ выразился въ ея духовномъ творчествѣ, въ подлинныхъ народныхъ произведеніяхъ, въ ихъ поэтическихъ мотивахъ, складѣ, языкѣ. Для такого проникновенія въ народную душу не достаточно было геніальнаго дара, которымъ наградила Пушкина природа. Нельзя всецѣло объяснить направленіе творчества поэта ни господствовавшимъ въ его время романтическимъ вліяніемъ, содѣйствовавшимъ вообще на западѣ и у насъ повороту къ народности въ литературѣ, ни патріотическимъ возбужденіемъ, овладѣвшимъ нашимъ образованнымъ обществомъ въ періодъ борьбы съ Наполеономъ. Не отрицая дѣйствія общественныхъ теченій на Пушкина,

какъ на сына своего времени, все же нужно признать, что главнымъ стимуломъ, направившимъ его на путь народности, былъ не одинъ чисто-художественный интересъ, но искренняя любовь къ народу. Какъ теоретикъ, Пушкинъ не могъ вполнѣ разобраться въ вопросѣ о народности, хотя дѣлалъ попытки формулировать свои взгляды. Какъ русскій патріотъ, онъ цѣнилъ проявленія народности въ ея творчествѣ; какъ художникъ, съ тонко развитымъ чувствомъ красоты, онъ любовался всѣмъ, что находилъ въ этомъ творчествѣ прекраснаго, искренняго, сильнаго, въ чемъ ярко отпечатлѣлся народный характеръ. Для него увлеченіе народностью было не дѣломъ мимолетнаго каприза: подобно тому, какъ граціозный, легкій „пушкинскій“ стихъ, при всей геніальности поэта, былъ выработанъ упорнымъ техническимъ трудомъ, такъ и глубокое пониманіе и правдивое воспроизведеніе народныхъ мотивовъ далось Пушкину при помощи серіознаго изученія и пристальныхъ наблюденій. И особенно высоко должны мы оцѣнить его трудъ, если вспомнимъ, что сказки о Медвѣдицѣ или о Рыбакѣ и рыбкѣ создалъ писатель, получившій въ дѣтствѣ чисто французское образованіе, говорившій, по его признанію, по французски лучше, чѣмъ по-русски, и принужденный упорно трудиться надъ роднымъ языкомъ, вырабатывать свой прозаическій стиль. Всѣмъ, чего достигъ Пушкинъ въ изученіи и пониманіи народнаго духа, онъ обязалъ лишь самому себѣ, своему труду и правдиво-реальному отношенію къ народности. Такого отношенія онъ не нашелъ, какъ мы видѣли, въ своихъ учителяхъ, въ господствовавшемъ фальшивомъ сентиментальномъ направленіи Карамзина и его школы. Въ наше время, когда наука, литература, искусство всесторонне изучаютъ и освѣщаютъ русскую народность, когда знакомство съ народной словесностью внесено въ школьное преподаваніе и считается обязательнымъ для всякаго образованнаго русскаго, занятія Пушкина народными пѣснями и его попытки къ поэтической разработкѣ сказокъ могутъ быть, при отсутствіи исторической перспективы, оцѣнены ниже своего значенія. Вѣдь Пушкинъ не былъ спеціалистомъ-этнографомъ, а только любителемъ, а любители-этнографы въ настоящее время считаются многими десятками, если не сотнями. Большинство записанныхъ имъ пѣсенъ—не было напечатано до сихъ поръ и не обогатило нашей этнографической литературы. Его стихотворные пересказы народныхъ сказокъ также для спеціалиста-этно-

графа не имѣютъ значенія. И тѣмъ не менѣе заслуги Пушкина для русской этнографіи несомнѣнны; мы можемъ сказать это безъ всякаго преувеличиванья, не впадая въ панегирикъ. Успѣхи науки вызываются не одними спеціальными учеными трудами. Будущіе ученые спеціалисты нерѣдко опредѣляли свою дорогу подъ вліяніемъ возбужденія, полученнаго отъ людей, вовсе не принадлежавшихъ наукѣ, мало подготовленныхъ, но умѣвшихъ вліять на другихъ, передавать имъ свои увлеченія извѣстными идеями. Такою властною, геніальною, обаятельною натурой обладалъ Пушкинъ. За его словами и дѣйствіями, начиная съ первыхъ шаговъ его авторства, напряженно слѣдила вся образованная Россія. Достаточно привести, появившійся на этихъ дняхъ въ печати, отзывъ о немъ покойнаго И. А. Гончарова: „Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все,—всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній,—все сводилось къ нему, все исходило отъ него“ [1])... И вотъ, этотъ „властитель думъ“ и печатно, и устно исповѣдуетъ свою любовь къ народному языку и поэзіи, говоритъ о прелести народныхъ сказокъ, самъ записываетъ пѣсни, и духовные стихи, восторгается мѣткостью пословицъ, завидуетъ чистотѣ языка московскихъ просвиренъ, переводитъ для заѣзжаго французскаго литература (Loewe-Weimars), чтобы его познакомить съ характеромъ русской народной поэзіи, нѣсколько простонародныхъ пѣсенъ на французскій языкъ [2]) и проч. и проч. Такое отношеніе высокаго авторитета къ народному духовному достоянію не могло остаться безплоднымъ въ кругу его поклонниковъ, цѣнителей его ума и таланта. Примѣру Пушкина, въ дѣлѣ собиранія пѣсенъ и сказокъ, слѣдуютъ другіе; назовемъ Даля, Языкова, снабжавшихъ Кирѣевскаго своими матеріалами, Гоголя, записывавшаго малорусскія пѣсни и преданія... Не говоримъ уже о реальномъ изображеніи народности, которое послѣ Пушкина становится основной идеей нашей литературы.

Далѣе, если стихотворныя сказки Пушкина не составляютъ прямого вклада въ русскую этнографическую литературу, то кос-

---

[1]) Русская старина. Май 1899 г. стр. 265. Сообщеніе А. Ѳ. Кони.

[2]) См. Русскія народныя пѣсни во французскомъ переводѣ А. С. Пушкина. Русс. Архивъ 1885 кн. 3, стр. 451—460.

венно, какъ художественныя воспроизведенія *народныхъ* сказокъ, опѣ до сихъ поръ продолжаютъ оказывать пользу нашей этнографіи. Въ наше время, кажется, уже вывелись няньки, умѣвшія сказывать дѣтямъ сказки, какъ пушкинская мамушка Арина Родіоновна. Многія поколѣнія дѣтей уже не слушали подлинныхъ народныхъ сказокъ и впервые знакомились съ ними изъ дѣтскихъ книжекъ. И я увѣренъ, что для многихъ *пушкинскія* сказки связаны съ воспоминаніями о дѣтскихъ годахъ, что Пушкинъ первый ввелъ многія поколѣнія нашего общества въ міръ народной фантазіи. Особенно важную услугу для знакомства съ русской народной сказкой оказываетъ до сихъ поръ сказка о Рыбакѣ и рыбкѣ. Ее читаютъ и заучиваютъ во всѣхъ школахъ Россіи. Изъ инородческихъ языковъ Россіи она переведена на армянскій, еврейскій, татарско-караимскій, латышскій, татарско-адзербейджанскій, монгольско-бурятскій и, наконецъ, калмыцкій.[1]) Такая широкая популярность сказки вполнѣ понятна: Пушкинъ плѣнился ясностью и нравственною чистотою этого народнаго разсказа и изъ своей художественной мастерской возвратилъ народу этотъ алмазъ въ формѣ брилліанта чистѣйшей воды. Я увѣренъ, что изо всѣхъ твореній нашего національнаго поэта именно *эта* сказка всего раньше осуществила надежды, высказанныя имъ въ „Памятникѣ“:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ и другъ степей калмыкъ.—

---

[1]) См. статью П. Д. Драганова—„Кто впервые принялся переводить А. С. Пушкина и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и парѣчій міра“ въ Историческомъ Вѣстникѣ. 1899 г. май, стр. 662, 679, 683, 687.

Приложеніе.

Записанныя А. С. Пушкинымъ народныя пѣсни, находящіяся въ неизданномъ, изготовленномъ къ печати въ 1838 г., сборникѣ П. Кирѣевскаго: „*Русскія народныя пѣсни.*“ Ч. I-я. Пѣсни свадебныя“ (Изъ бумагъ Кирѣевскаго, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ).

1.

„Береза бѣлая,
Береза кудрявая,
Куда ты клонишься,
Куда поклоняешься?

— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюся,
Куда вѣтеръ повѣетъ.—

„Княгиня душенька!
Куда ты ладишься?“

— Туда я лажуся,
Куда батюшка отдаетъ
Съ родимой матушкой.—

2.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ часу времечкѣ,
При княгининомъ дѣвичничкѣ,
Вылеталъ же младъ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшоточку,
На шелкову занавѣсочку.
Какъ увидѣла да узрѣла
Свѣтъ княгинина матушка:
„Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты юнаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго,
Свѣтъ Ивана Александровича!“

—Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломились,
Бѣлы ручки опустились,
Красота съ лица смѣнилась.—

3.

Собрала невѣста подружекъ,
Посадила подружекъ высоко,
А сама сѣла выше всѣхъ,
Наклонила головушку ниже всѣхъ,
Думаетъ думушку крѣпче всѣхъ.
„Что долго нѣтъ Ивана?
Мнѣ посла послать некого,
Мнѣ самой иттить некогда.
Я хоть пойду, не дойду,
Я хоть дойду, не найду,
Я хоть найду его,—
Позвать къ себѣ не смѣю.“

4.

Какъ въ дому-то березанька бѣлёхонька стоитъ,
А наша невѣста бѣлѣе ея,
Бѣлѣе ея снѣгу бѣлаго лицо.
Шла наша невѣста съ высокова терема,
Несла она золоту чару вина;
Она чару расшибла, вино все пролила,
Все глядючи на Ивана своего,
На Ивана своего, на кудерушки его:
„Видать ли мнѣ кудерушки васъ у себя?
На правой на ручушкѣ, на золотомъ перстенькѣ?“

5.

Дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится изъ церкви.

Ягода съ ягодой сокатилася,
Ягода ягодѣ поклонилася,

Ягода съ ягодой слово молвила,
Ягода отъ ягоды не вдали росла.

6.

Между горъ по каменью
Серебромъ ручей бѣжитъ,
По тому по ручейку
Ходила-гуляла княгиня душа.
Искала княгиня душа
Самоцвѣтна камушка,
Нашла, нашла камушекъ,
Нашла самоцвѣтненькій.
Разломала камушекъ,
Его на три граночки.
Первую граночку
Её родну батюшкѣ.
Вторую граночку
Родной ея матушкѣ,
А третью граночку
Ладу милому.

7.

„Затопися, баненька,
Раскалися каменка,
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонушкѣ,
По родной матушкѣ,
По родимому батюшкѣ...

(Отрывокъ).

8.

О горе, горе то невѣстино!
О горе, горе!
„Ты невѣстушка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись ко ты назадъ,
О горе, горе!

Что подружекъ-то стоятъ,
О горе, горе!
Что подружки говорятъ,
О горе, горе!
Что наказываютъ,
О горе, горе!
Что приказываютъ“:
О горе, горе!
„Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
Ты съ кроватушки долой!“
О горе, горе!
— Вы лебедушки,
О горе, горе!
— Вы подруженьки!
О горе, горе!
— Мнѣ нельзя спихнуть:
О горе, горе!
— Въ головахъ-то у него
О горе, горе!
— Плетка шелковая,
О горе, горе!
— Она объ восьми хвостахъ,
О горе, горе!
— Она больно бьетъ,
О горе, горе!
— Приговариваетъ:
О горе, горе!
— Не зови-ко худякомъ,
О горе, горе!
— Зови добрымъ молодцомъ.
О горе, горе!

9.

Поется, когда идутъ за невѣстой къ вѣнцу.

„Какъ у нашего князя
Невеселые кони стоятъ.
Они чуютъ путь-дороженьку

По невѣсту ѣхати.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Уливайте [1]) гору крутую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойтить бы, ни взъѣхати!“
— Не грози, княгиня душа [2])!
— На крутую гору пѣшъ взойду,
— Добра коня въ поводу сведу.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Запирайте вы воротечки,
Что тремя замками нѣмецкими“.
— Не печалься, княгиня душа,
— Приведу я съ собой слесаря,
— Отопретъ замки нѣмецкіе.
„Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую,
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!“
— Не печалься, княгиня-душа!
— Привезу съ собой свахоньку;
— Расплететъ она косу русую,
— Увеземъ тебя съ собой душеньку.

10.

Дня за два передъ дѣвичникомъ кладутъ на блюдо ленты изъ косы невѣстиной. Братъ ея или ближній родственникъ поситъ блюдо по улицѣ. Это называется: красу носить. Между тѣмъ поютъ:

Трубчистая коса
Вдоль по улицѣ шла,
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За косу хваталася:
„Коса ты, косынька!
Ужели ты моя?“

[1]) Иначе: укатайте—по времени года.

[2]) Поется также: Не печалься княгиня душа! Поведемъ мы коней въ кузницу, подкуемъ коней подковами, подковами-то булатными.

— Я тогда буду твоя,
— Какъ я въ Божью церковь вступлю,
— Золотой вѣнецъ приму.

11 и 12. (Сводный текстъ изъ 2-хъ варіантовъ).

Въ сыромъ бору на клену [1])
Виситъ колыбель на шелку;
Въ колыбели лежитъ князь молодой (имя жениха),
Передъ нимъ стоятъ бояры [2]).
„Вскачните колыбель высоко!
Выше клену стоячаго,
Ниже облака ходячаго [3]).
Чтобы видно было тестевъ дворъ,
Чтобы видно было тёщинъ терёмъ!
Въ этомъ терему ходитъ-гуляетъ, [4])
Ходитъ-гуляетъ княгиня душа,
Шолковымъ платкомъ помахиваетъ:
— Ты сюда, сюда, молодой князь!
— Здѣсь твоя суженая, твоя ряженая [5]).

[1]) Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.

[2]) Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.

[3]) Въ другомъ пушкинскомъ варіантѣ этого стиха нѣтъ.

[4]) Съ этого стиха до конца пѣсня пополнена изъ другого ея варіанта, также записаннаго Пушкинымъ.

[5]) Въ варіантѣ, изъ котораго взято начало, соотвѣтствующіе стихи читаются такъ:

Въ терему гуляетъ княгиня,
По имени зовутъ ее Катерина,
Каленые орѣшки щелкаетъ,
Шитою ширинкою махаетъ:
„Ты сюда, сюда, Иванъ князь!
Какъ здѣсь твое суженое,
Здѣсь твое ряженое,
Здѣсь твоя княгиня
По имени Катерина“.

Варіанты къ пѣснямъ, записаннымъ Пушкинымъ [1]).

Къ № 2:

Сахаровъ, Пѣсни русскаго народа, т. III, стр. 196; Терещенко, Бытъ русскаго народа, II, 355; Якушкинъ, Русскія пѣсни, 8—10; Этнографическій сборникъ, V, Бытъ курскихъ крест., 43, Описаніе г. Котельнича, 86, Библіографическій указатель, 24; VI, статья VIII, 38; Пермскій сборникъ, II, отдѣлъ II, 142; Шейнъ, Русскія народныя пѣсни, 534, 563; Римскій-Корсаковъ, Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, II, 69; Поповъ, Пѣсни, записанныя въ Чердынскомъ у., 204; Пальчиковъ, Крестьянскія пѣсни, 89; Васнецовъ, Пѣсни сѣверо-восточной Россіи, 260; Соколовъ, Великорусскія свадебныя пѣсни, 8.

Къ № 3:

1) къ первымъ 5 стихамъ:

Сахаровъ, III, 194; „Библіотека для чтенія“ 1848 г., VII, 25; Терещенко, II, 514 (малор.); Дашковъ, Описаніе Олонецкой губерніи, 211; Якушкинъ 233; Этнографическій сборникъ, I, 357; V, Бытъ курскихъ крестьянъ, 58; VI, статья VIII, 38; Жарабовъ, Сельскія свадьбы Архангельской губерніи, 54; Пермскій сборникъ, II, отд. II, 118; Рыбниковъ, Пѣсни, III, 388—9; Шейнъ, 565.

2) къ послѣднимъ 7 стихамъ:

Сахаровъ, III, 53; Шейнъ, 548; Римскій-Корсаковъ, I, 73 (плясовая пѣсня). Бѣлорусскіе варьянты: Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, 270; Шейнъ, Бѣлорусскія пѣсни, 468; малорусскіе: Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, II, 222; Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, IV, прил. 17, 6; „Этнографическое Обозрѣніе“ 1897, III, 112.

Къ № 7: Сахаровъ, III, 510; Терещенко, II, 199; Этно-

[1]) Собраны студентомъ А. Марковымъ.

графическій сборникъ, I, 257; Якушкинъ, 231; Свадебные обряды и пѣсни Тульской губерніи, Н. Г-ъ, 109; Шейнъ, Русскія народныя пѣсни, 562, 585, 595; Римскій-Корсаковъ, II, 89; Васнецовъ, 270.

Къ № 9:

Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, I, 1840 г., кн. III, стр. 147.

Къ № 10:

Сахаровъ, Пѣсни, III, 460 (Сказанія, 145); Дашковъ, 196; „Русскій филологическій вѣстникъ“ 1892, III, 77.

Къ №№ 11 и 12:

Пермскій сборникъ, II, отд. II, 139; Шейнъ, 1) Русскія народныя пѣсни 523, 550, 592; 2) Бѣлорусскія пѣсни, 202 (весенняя пѣсня); Васнецовъ, 262. Пѣсня разобрана Потебнею: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, I, 201, примѣч. (Здѣсь указаны только 2 варіанта изъ Р. н. пѣсенъ, Шейна).

475886

Цѣна 30 коп.